

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-59-99>
<https://elibrary.ru/WINOHW>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Писатель и критика русского зарубежья: А.М. Ремизов и А.Л. Бем в кругу «книжников» и «фарисеев» (по материалам переписки)

© 2026, Е.Р. Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья является частью исследования, посвященного профессиональной рецепции творчества и личности А.М. Ремизова в эмигрантском литературном процессе. Среди критиков писателя А.Л. Бему принадлежит особая роль восприимчива сложившейся в России 1910-х гг. школы критической мысли, тесно связанной с изучением истории литературы. Автор статьи раскрывает представления двух корреспондентов о задачах критики, в частности, опираясь на существовавшую в затекстовых размышлениях Ремизова проекцию образов библейских книжников и фарисеев, на современных блюстителей литературной «нормы». В статье прослеживаются случаи ремизовских прямых адресаций к Бему в его рассказах 1931–1933 гг. Характерно, что диалог двух корреспондентов, начавшийся в русле взаимоотношений писателя и критика, со временем сместился на исследование произведений Ф. Достоевского. В приложении к статье публикуются четыре новонайденных письма Бема к Ремизову. Тема общих знакомых — «книжников», хранителей культуры и науки, послужила объединительным мотивом для переписки пражского ученого и писателя (с 1931 по 1944 гг.), так и не повстречавшихся друг с другом лично.

Ключевые слова: история литературы, эмиграция, задачи критики, творческий метод, А.М. Ремизов, А.Л. Бем, Иванов-Разумник, Б.Г. Унбегаун, В.Н. Тукалевский, А.Ф. Лютер.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, 4, 199034г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

E-mail: lena.co@mail.ru

Для цитирования: *Обатнина Е.Р.* Писатель и критика русского зарубежья: А.М. Ремизов и А.Л. Бем в кругу «книжников» и «фарисеев» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 59–99. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-59-99>

В плеяде писателей, приехавших в эмиграцию с репутацией признанных мастеров, Ремизов был единственным, кто продемонстрировал уже в первые годы зарубежной жизни существенные изменения в нарративе своей авторской прозы¹. Предсказуемо, что его творческий поиск не находил отклика не только в кругу близких по возрасту критиков, но и даже среди младшего поколения литературных рецензентов². Для многих профессиональных литераторов, учитывающих запросы широкой читательской аудитории эмигрантского сообщества, — Ремизов — сказочник, Ремизов — «археолог» русской словесности был гораздо более значимой фигурой, чем Ремизов — новатор-прозаик, пишущий о жизни современной русской диаспоры. Подобные ограничения Ремизов старался не оставлять без ответа, однако если и вступал в публичную дискуссию по профессиональным вопросам, то оказывался в единственном числе против коллективного мнения³. Диалог с критиками или не удавался, или строился с заведомо предустановленных позиций отрицания эстетических взглядов писателя [14; 19].

В дореволюционной творческой биографии писателя был длительный опыт тесного общения с историком литературы Ивановым-Разумником⁴. Именно этот «настоящий литературный человек» (по определению представителя младшего поколения эмиграции⁵), понимавший критику как вид со-творчества с автором, приложил максимум своей профессиональных знаний, интуиции и таланта для своевременного выдвижения на первый план литературы 1910-х гг. имени Алексея Ремизова. Последнему, вне всякого сомнения,

¹ См. об этом в монографии А.М. Грачевой [6, с. 102–151] и в послесловии Е.Р. Обатниной [28, т. 11, с. 574–611].

² Среди представителей младшего поколения эмиграции критиками Ремизова выступили в печати М.Л. Гофман, В.А. Злобин и И.С. Лукаш.

³ О показательном случае см.: [22, с. 237–238].

⁴ Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову: (1908–1944 гг.) / публ. Е.Р. Обатниной, В.Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной и В.Г. Белоуса // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глагол, 1998. Вып. 2. С. 19–122, 244.

⁵ См.: Письма Н.Н. Берберовой и вл. Иоанна (Шаховского) к Иванову-Разумнику / вступ. заметка, публ. и примеч. Е.А. Голлербаха и Ж. Шерона // Там же. С. 160; Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / публ., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2001. С. 138.

были памятни принципы литературной критики, которые Иванов-Разумник сформулировал еще в 1908 г. с опорой на рассуждения Льва Толстого:

Определить «пафос», определить «философию», чаще всего бессознательную, художника и его произведения, определить, что им «сказалось», а не «говорилось» — вот, повторяю, главная задача критики; вне ее — критика либо «грациозная ненужность» (есть и такая), либо только накопление материалов для будущего здания философской критики. Опять напомним слова Толстого <...>: «нужны люди, — говорит он, — которые бы показывали бессмыслицу отыскивания отдельных мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателем в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства»... А для этого критика должна вскрыть внутренний смысл художественного произведения, должна разобраться в тех бессознательных или подсознательных элементах творчества, которые иногда дают окраску всему творчеству художника⁶.

В 1917 г. глубокие мировоззренческие разногласия поставили точку в переписке и личных жарких спорах писателя с Ивановым-Разумником. С этого времени Ремизов перешел на новый уровень взаимоотношений с критикой, выраженной в художественной форме литературного оппонирования [16].

Несмотря на существенные различия исторических обстоятельств, послуживших фоном для отношений писателя с одним из ведущих аналитиков модернистской литературы 1910-х гг. и критиками зарубежья, в каждой ситуации Ремизов не пытался скрыть свою позицию при помощи «эзопова языка». Напротив, писатель, перенося дискуссионные вопросы в контуры художественного пространства, выступал не только как выразитель авторского «Я», но и как равноправный участник литературного процесса.

В ракурсе проблемы обратной связи между писателем с «профессиональным читателем» исключительную ценность приобретает опубликованная в 2008 г. переписка Ремизова с А.Л. Бемом (1886–1945) [1, с. 375–388, 398–399 (коммент.)], в значительной степени

⁶ *Иванов-Разумник. Собр. соч. СПб.: Прометей, [1912]. Т. 2: Творчество и критика. С. 5.*

потому, что именно этот пражский корреспондент представлял собой новый и редкий в истории литературы эмиграции тип критика, пришедший в среду современных литераторов из академической филологической науки и сохранявший традицию критической рецепции конца XIX — начала XX в. Не случайно, продвигая кандидатуру Бема в качестве сотрудника журнала «Современные записки», Ф.А. Степун выражал личное убеждение, что пражанин —

человек литературно серьезный и профессионально образованный, что чутье у него верное, что в нем есть справедливость и независимость суждений. Главное же, что он читает решительно все и чувствует задачи литературной критики так, как ее некогда чувствовали русские публицисты [32, с. 197–198].

В контексте контактов Бема с Ремизовым «школа» критического анализа 1910-х гг. как будто вернулась на круги своя, вновь напомнив о преемственности творчества писателя-модерниста русской классике и, прежде всего, философско-психологическому реализму Достоевского. Однако, как мы покажем далее, старые лекала историко-литературных сопоставлений не всегда ложились на материал новой ремизовской прозы.

1

Заинтересованность Ремизова личностью заведующего литературно-критическим разделом берлинской газеты «Руль», сменившего Ю.И. Айхенвальда, несомненно, возникла еще весной 1931 г., когда за подписью «А. Бем» один за другим (29 апреля, 6 и 21 мая) были напечатаны три очерка, объединенные общим названием «О критике и критиках» [3, с. 33–46]. Дистанцированный от Парижа обозреватель с неожиданной точностью диагностировал болевые точки современной литературной жизни, сложившейся в этом центре русской диаспоры. Основные проблемы Бем видел в иерархичности писательского цеха, монополии на критику, обеспеченной Г.В. Адамовичу в «Последних новостях», замещении института литературной критики рецензированием одних литераторов другими, наконец, в замалчивании новых профессиональных изданий с молодежным составом («Новая газета») ⁷ и мировоззренческой незрелости молодых авторов журнала «Числа».

⁷ Об этом недолговечном периодическом издании см.: [33].

В середине лета того же года (2 июля) поступил в продажу тираж пятой книги «Чисел», на содержание которого Бем отреагировал двумя очерками, опубликованными в его колонке на страницах «Руля». Первый из них (от 30 июля) содержал вывод о несостоятельности амбиций парижан, в начале своего пути заявивших о намерениях сформировать эстетическую платформу (Числа. 1930. № 1. С. 5–7). Скептически настроенный критик, ассоциируя молодежный авторский коллектив с богемной эстетикой Монпарнаса, охарактеризовал «Числа» как явление, лишенное корневой системы, недолговечное — всего лишь очередной эмигрантский журнал «с несколько расширенным составом сотрудников» за счет авторитетных имен старшего поколения. Закономерно, что по-настоящему заслуживающим внимания в содержании последнего номера ему показался только напечатанный здесь рассказ Ремизова «Индустриальная подкова» (Числа. 1931. № 5. С. 108–143). Противопоставляя зрелое мастерство Ремизова «упадническим» настроениям молодых участников журнала, Бем сразу отметил: «вещь... художественно отстоявшаяся», «классическая», «лежащая в линии русской традиции» [3, с. 70–71]. Уже через две недели он развил высказанную мысль в литературоведческой статье, специально посвященной новому произведению писателя (Руль. 1931. 13 августа. № 3256), раскрыв «внутреннюю связь художественных идей» автора с философско-психологическими коллизиями Гоголя и Достоевского [3, с. 76–81].

Можно было бы подумать: наконец-то Ремизов нашел в лице А.Л. Бема исследователя-литературоведа, применившего свой научный опыт в критике современной литературы. Преследуя профессиональные задачи, ученый взялся толковать генезис его нового художественного произведения. Точка зрения пражанина на современное состояние эмигрантской критики и его представления о литературной традиции, заявленные в статье, посвященной «Индустриальной подкове», настолько импонировали писателю, что он стал инициатором переписки, еще даже не зная полного имени своего адресата. Мотивом к этому шагу послужило желание поправить двойственное впечатление, оставшееся после прочтения отзыва.

С одной стороны, Ремизов не мог не отметить профессионального историко-литературного подхода к его рассказу, а с другой, вновь столкнулся с набором предубеждений, касающихся его творчества в целом. Действительно, при всей позитивности оценок относительно ремизовской преемственности русской классике, в преамбуле к своей статье Бем поддержал превалирующую в современной рецепции тенденцию к упрощенной литературной «норме». Учитывая

известные ему прецеденты общественного раздражения, — будто бы Ремизов «издевается» над читателем многослойными смыслами своих произведений, — критик назвал его художественный мир «улиточным домиком чисто ремизовской “зауми”», в который писатель «тщательно прячется», отгораживаясь от широкой аудитории [3, с. 76].

Метафорический образ возник из понимания экстраординарных свойств творческой личности, однако определение «заумь», характеризующее содержательный план сочинений писателя, неизбежно обнаруживало негативную коннотацию с давно потерявшими актуальность литературными девиациями футуристов, в общественном сознании связанными со скандальным ниспровержением классической литературы и абсурдизмом. Таким образом, критик солидаризовался с мнением об излишней и невостребованной публикой глубине ремизовских текстов.

Свое первое письмо, отправленное в Прагу 30 августа 1931 г., писатель начал с разъяснения личной позиции по отношению к внешнему восприятию его творчества. Стоит обратить внимание, как подчеркнуто Ремизов поблагодарил своего нового адресата, выделив его в ряду «профессиональных читателей»: «Спасибо за ваш отзыв — за ваше внимательнейшее чтение, — писал он. — Это такая редкость» [1, с. 376]. Далее следовало откровенное признание: «Ваше вступление меня смутило» [там же], после чего писатель привел список шести своих авторских книг, изданных в течение последних пяти лет (1927–1931). Такая объективная аргументация, фактически оспаривающая справедливость упрека в некой творческой самодостаточности («улиточный домик»), была подкреплена собственной версией причин искаженной рецепции. Ремизов продолжал:

Мне кажется дело проще: не от кого я не отгораживаюсь*, а просто не читают книг.

(*об этом и в мыслях не было. Посмотрите в Числах № 5 стр. 283–284–285: мой ответ Осоргину «Для кого писать»)[1, с. 376]⁸.

Резюмируя содержание ремизовского послания, подчеркнем, что проблему своих взаимоотношений с читательской аудиторией он видел в заданных критикой шаблонах восприятия, о которых мы

⁸ В публикации письма к строке, размещенной нами в скобках, сделано ошибочное пояснение — «Примеч. А.Л. Бема» [1, с. 376], тогда как обозначенная астериском фраза по содержанию могла принадлежать только Ремизову и была добавлена писателем в качестве примечания к уже написанному основному тексту. Использование подобного приема автопримечаний не единственный случай в письмах Ремизова 1930-х гг.

упоминали выше. В конечном счете не Ремизов «прятался» от читателя, а критика, точнее сказать, оценочные суждения отдельных литераторов стали причиной создавшегося вокруг его имени вакуума, изоляции, препятствующих пониманию его творчества.

Убеждение писателя в отсутствии профессиональной заинтересованности критиков в современной литературе укреплялось и на других примерах. Прочитируем введенный нами в научный оборот фрагмент написанного годом позднее письма Ремизова Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло, в котором, упоминая имя известного литературоведа, печатавшегося в «Числах», Ремизов вновь возвращался к своей мысли, объективированной в письме Бему:

...я много раздумывал. Ведь вот еще беда в чем, что не читают... мне Алферов сказал про Вейдле, что Вейдле не читал «По карнизам», я убежден в этом. Иначе бы он непременно заговорил о новой форме повествования [22, с. 240].

Отчасти высказанный упрек был обращен и к Бему. В его критическом толковании рассказа «Индустриальная подкова» Ремизова «смутил» не сам по себе образ «писателя-улитки», а, скорее, уже известное нежелание принять новый автобиографический дискурс, в котором автор через личный мир описывает реальность, в том числе и профессиональные проблемы, отмеченные также и самим рецензентом. Иначе бы в его отзыве прозвучала не «досада» по поводу введенных в рассказ «Индустриальная подкова» «частностей кружковой писательской жизни», о которых далекому от этой сферы читателю, по его выражению, «нет никакого дела», а, возможно, какая-либо более конструктивная оценка прозы Ремизова, резонирующей события внутри профессионального цеха [3, с. 35]. К «частностям кружковой писательской жизни» был отнесен упомянутый Ремизовым «тростниковый сахар», якобы присланный главному герою рассказа Корнетову от редактора парижской «Новой газеты». В своем подтексте незначительный штрих отсылал к статье М.А. Осоргина, опубликованной в первом номере только что образованного периодического издания, посвященного литературе и искусству. Об этом прекрасно знал и Бем, еще в первом из трех своих оппозиционных к литературному Парижу очерков «О критике и критиках» обративший внимание на благодушное безразличие известного парижского писателя старшего поколения к роли профессиональной рецепции в эмигрантском писательском сообществе. По мнению Осоргина, в русской диаспоре, где литература пред-

ставляла собой почти «семейный» кружок, отзывы о признанных мэтрах имели панегирический «привкус» — «только сахар, да даже не виноградный, а тростниковый, безо всякого аромата»⁹.

Не мог Ремизов согласиться и с прозвучавшим в рецензии Бема прямым сопоставлением его Корнетова, страстного знатока и любителя литературы, с героями Достоевского — «спрятавшимися от жизни» — Прохарчиным и Ордыновым. В интерпретации критика получалось, что Корнетов и, вместе с ним, Ремизов, рассказавший эпизод из личной биографии, расплачивались за вину перед «живой жизнью» (выражение Достоевского)¹⁰, от которой они изолировались в свои книжные «катакомбы» [3, с. 78–80]. Для такого утверждения надо было просто не заметить в «Индустриальной подкове» обширный, на полстраницы, пассаж о Корнетове, в котором был описан круг интересов героя, с головой погруженного и в быт, и в политику, и в культуру современной европейской действительности [28, т. 9, с. 114–115]. Да и сам Корнетов до бытового случая, нанесшего ему тяжелую психологическую травму, признавался: «У меня было <...> расположение к миру» [28, т. 9, с. 120].

Возвращаясь к эпистолярному диалогу Ремизова с Бемом, отметим, что завязавшиеся в конце августа 1931 г. контакты недолго поддерживались обменом публикаций, а потом затихли на два года. В приложении к настоящей статье мы восполняем «осколок» корреспонденции, по воле случая не учтенный в собранной двусторонней переписке [1, с. 375–378, 398–399.]. Новонайденные четыре письма Бема, адресованные Ремизову, освещают существенные эпизоды как в творческих биографиях двух современников, так и в истории литературы русского зарубежья.

2

Прежде чем остановиться на содержании этого эпистолярия, отметим одно важное литературное событие лета 1933 г., а именно выход из печати 9-й книги «Чисел», что не могло пройти мимо внимания пражского критика и повлияло на возобновление его переписки с Ремизовым. Также нельзя было не заметить, что содержание журнала напоминало ремизовский «бенефис»: редакция предоставила писателю настоящий карт-бланш на публикации, разместив сразу

⁹ Осоргин Мих. [М.А. Ильин]. Пожелания // Новая газета. 1931. 1 марта. № 1. С. 3

¹⁰ Впервые встречается в «Записках из подполья». Ср.: «“Живая жизнь” с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 176).

три его текста [22, с. 241–245]. С точки зрения взаимоотношений Ремизова с молодым авторским составом журнала центральное место занимал рассказ «Шиш еловый» (Числа. 1933. Кн. 9. С. 57–83), где автор свел воедино памятные всем числовцам и рецензентам, наблюдавшим за деятельностью журнала, литературные эпизоды минувших трех лет.

Вновь нам придется вернуться к критическому отзыву об «Индустриальной подкове» (1931), потому что в рассказе «Шиш еловый», персонально адресуясь к Бему, Ремизов прибережет узнаваемую тему «улитки». В статье 1931 г. найденный Бемом применительно к писателю образ, казалось бы, логично был спроецирован на ремизовского автобиографического героя — Александра Александровича Корнетова, якобы капитулировавшего перед реалиями эмигрантского бытия. В новой истории, повествующей о парижской жизни учителя музыки и его ближайших друзей, Ремизов как будто соглашается со своим оппонентом. Однако «улиточный домик» — для него не эмблема, символизирующая эскапизм от «живой жизни», как интерпретировал критик, а совершенно особый *modus vivendi*, который в рассказе «Шиш еловый» исповедует автобиографический персонаж — Василий Петрович Куковников — носитель разнообразных, иногда противоречивых мнений о писателе, продуцированных в среде «профессиональных читателей». О нем читаем:

Куковников — книжник, любитель книжного почитания, неисповедимо очутившийся за границей: все книжники Куковниковского склада улитки или черепахи — малоподвижны, живут, где повелось и сживаются со своими книгами неотрывно — покинуть книги им все равно, что дать отсечь себе руку или выколоть глаз, нет, больше, они согласятся и на отсечение и на потерю глаза, лишь бы оставили с ними книги [28, т. 9, с. 304].

В галерее автобиографических персонажей из корпуса романа «Учитель музыки» «книжником» является и Корнетов, которого принято считать *alter ego* писателя. Идеальный сценарий времяпрепровождения для этого героя описан в рассказе «Греческий огонь» (1929):

Я застал Корнетова, обложенного Византией — книги и на столе и на высоких, как в бистро, табуретках: тут и знаменитый X век Шлюмберже, и три огромных тома «Истории Византии» Кулаковского, и ни с чем не сравнимый, разве что с церковной ми-

неей, Успенский, и лекции Васильева, и иллюстрированный Диль. «Изучаю, — сказал Корнетов, — не могу только про иконоборство дознаться, а хочется все века, всю жизнь, чтобы понять... [28, т. 9, с. 69].

Интересно, что самоотождествление с образом улитки возникло у самого Ремизова в самом начале его писательской карьеры, однако тогда оно было вызвано обостренным чувством ответственности и не оформившимся пониманием цели творчества¹¹. В своем письме В.А. Пясту, написанном весной 1905 г., он признавался: «Мне никуда не хочется идти. А писать я пишу, знаете, как улитка. Я всегда чувствую наказание. И зачем писать, не знаю» [18, с. 54]. Не исключено, что зрелый писатель хранил в памяти свое раннее эпистолярное сочинение, написанное как будто от лица одного из собратьев голеговского Хлестакова. Теперь, в своем эмигрантском рассказе, он не только оппонировал Бему, но и перенес образ улитки на самознание особой категории людей, для которых мир книг, или более широко — литература, образует собой необходимое и, в сущности, достаточное жизненное пространство.

В определение «книжник» Ремизов, несомненно, вкладывал и первоначальное библейское значение, что подтверждается автоироничным воззванием писателя, озаглавленным «Книжникам и фарисеям», на страницах сатирического журнала «Ухват» в 1926 г. (см.: [14]). Тогда, защищая свою творческую волю, он ассоциировал с «книжниками» и «фарисеями» своих литературных критиков, следующих литературному канону и не признающих творческих новаций. Однако по сравнению с фарисеями, согласно библейской истории, следующими формальному исполнению вероучения, среди книжников были люди широких взглядов, толкователи священных текстов. Поэтому книжникам Ремизов отводил особую роль в культуре..

Как мы отметили выше, на представления писателя о задачах литературной критики большое влияние оказал Иванов-Разумник. Во все времена формирование общественного мнения о современной литературе зависело от одаренности, образованности и ответственности перед историей литературы лиц, взявших на себя роль аналитиков и судей. Интересны в этом смысле записи из дневника С.П. Ремизовой-Довгелло, сделанные в декабре 1917 г. Впоследствии,

¹¹ В 1930-е гг. позиция писателя уже была непоколебимой и вызывала несогласие многих представителей литературного цеха; см.: [22, с. 238–240].

несомненно, они стали частью затекстового содержания, вложенного Ремизовым в его публикацию «Книжникам и фарисеям»:

Когда читаешь современную критику, думается: пишет человек совсем-совсем не так, — самый способ, прием не тот. Чаше всего, не разбирая, просто ругают писателя, или приписывают то, чего у <него> нет и ему не с руки, обвиняют его исключительно для того, чтобы оттенить свою собственную высокую мысль критика.

Ведь и фарисей молился именно так: «Благодарю Тебя, Господи, что я не такой, как мытарь!»

Вот так в критике и фарисействуют, не считаясь с тем, о ком пишут, — с его живой душой, а главное, — с правдой.

Мне думается, критик еще реже, чем писатель, потому что еще труднее и ответственнее быть критиком: судьей и учителем. <...>.

Мне хочется, чтобы с нового — с 1918 г. появилась у нас новая критика с другими приемами, надо, чтобы критик помнил о своем «смертном часе» и знал историю русской литературы, не по учебникам, а по источникам, и как все происходило с самого начала.

При таком условии критика не будет никогда «злая», она может быть только «горькая». При таком условии критика никогда не будет лживая, она может быть только ошибочная. При таком условии будет из критики чему поучиться.

Надо беречь тех, кто создает «культурные ценности», это я для наших умников, — Россия ими не богата [28, т. 17, с. 307].

Характерно также, что к этой записи Ремизов сделал пояснение, в котором подчеркнул значение для школы русской критики таких имен, как В.Г. Белинский, А.В. Дружинин и Ап. Григорьев [там же]. В свою очередь, «книжник» в ремизовской типологизации его близких знакомых¹² и автобиографических героев является собирательным образом хранителя культуры, человека, для которого реальность книжного мира также явственна, как реальность окружающей жизни.

Ремизовский «книжник» не претендует на ученость, но это человек, задающийся вопросами, беспокойная натура, не удовлетворяющаяся односложными истинами. Образ «книжника», «любителя книжного почитания» представлен во вставной новелле рассказа «Шиш еловый», озаглавленной «Баснописец Куковников». Ее назва-

¹² Напомним, что к этому особенному типу писатель причислял и таких знатоков литературы из своего дореволюционного окружения, как И.А. Рязановский. См. рассказ «Книжник» [28, т. 8, с. 131–136].

ние подчеркивало распространенное мнение о Ремизове как о писателе-сказочнике. Здесь оказывается, что «баснописец» на самом деле «внимательнейший» читатель, для которого художественный образ является частью историко-литературной парадигмы.

Василий Куковников — человек окололитературный, конечно же, «не писатель»¹³, со всей решительностью профана выразил нетерпимость к юбилейной риторике, которая часто продуцирует шаблоны восприятия творческого феномена. Предметом читательских открытий героя стала знаменитая «Пушкинская речь» Достоевского, вошедшая в анналы истории русской литературы.

В общем и целом Куковников-Ремизов, причислив речь Достоевского к жанру официального юбилейного славословия, фундирующего национальную идею своего времени, отозвался об этом идеологическом аспекте пушкинского культа крайне пренебрежительно — «ничего не говорящее», «провинциальнейшая ерунда» [28, т. 9, с. 305]. Подробно он остановился лишь на одном приеме типологизации литературного образа Татьяны Лариной, памятуя высказывание о героине как воплощении идеала русской женщины, о ее твердой верности первой любви, о том, что «такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в “Дворянском гнезде” Тургенева»¹⁴. Однако стоило герою обратиться к примерам женских образов самого Достоевского, как, сопоставив судьбу и жизненный выбор пушкинской Татьяны с трагической судьбой и семейными обстоятельствами Зины Москалевой («Дядюшкин сон») и Сони Мармеладовой («Преступление и наказание»), он был буквально вынужден прийти к неожиданному, если не сказать, эпатажному выводу: под строгим моральным судом — все случаи «самая настоящая проституция», но «Достоевский хотел сказать и всеми словами сказал: идеал русской женщины “жертва”» [28, т. 9, с. 306]. Рефреном в его эмоциональной филиппике звучал несколько раз запальчиво повторенный вопрос, который нам напомним о первом ремизовском письме Бему. Теперь Ремизов распространял проблему чтения не только на личные произведения, но и на известные образцы классической прозы:

...восторг Достоевского перед Пушкинской Татьяной: Татьяна — идеал русской женщины, и восхищение ее верностью. <...>. Точно

¹³ О самоидентификации Ремизова как писателя «по ошибке» см.: [28, т. 8, с. 265–269].

¹⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. С. 140.

все забыли «Дядюшкин сон»? С 1859 года, правда, много прошло. Или не читали?

<...> И я уверен, что в петербургском генеральском доме где-нибудь на Английской набережной, на бархате, «удобно», под какой-нибудь горностаевой мантилей Татьяна вздрагивала, как Соня под своим «семейным зеленым платком», и, как у другой Сони — Писемского, наутро, после брачной ночи тряслась голова и рука. И потом встреча на «шумном бале», Онегин у колонны... и этот знаменитый стих, потрясший наивных слушателей — «но я другому отдана и буду век ему верна». Так все и ахнули: какая невообразимая верность! Еще раз очень вам благодарен. Или забыли «Записки из подполья»? С 1864 года прошло тоже не так мало.

Или не читали? Там эта верность по-другому называется... [28, т. 9, с. 305–306].

Созданный писателем в 1933 г. прецедент компрометации «Пушкинской речи» Достоевского как будто оставляет открытым вопрос, что же послужило причиной для обращения к этому хрестоматийному тексту. Несмотря на то, что в современной исследовательской литературе уже была представлена интерпретация рассказа «Баснописец Куковников»¹⁵, мы полагаем, что речь героя-трикстера являлась реакцией на конкретный эпизод эмигрантской литературной жизни и адресовалась профессиональным исследователям и, прежде всего, ученому-филологу А.Л. Бему. В подтексты рассказа, помимо многочисленных аллюзий к критическим суждениям литературоведа о произведениях парижской молодежи, попал также его фельетон, опубликованный 18 июня 1931 г. под названием «Култ Пушкина и колеблющие треножник». Бем здесь выступил защитником пушкинского гения от попыток Георгия Адамовича дезавуировать совершенство признанного литературного эталона. Однако вместо убедительной аргументации, противопоставленной поверхностным заявлениям парижского законодателя литературных вкусов, пражанин предпочел следовать риторике, получившей направление «со времени исторической речи Достоевского» [3, с. 53].

Как видим, к ситуации «Адамович против Пушкина» Ремизов намеренно разыграл зеркальную ситуацию «Куковников против Достоевского», доказав на литературных примерах «правоту» своего начитанного героя. На острие ремизовской мысли оставалась

¹⁵ См. аналитический вывод в статье: [8, р. 101].

идея профессиональной критики, оперирующая художественными смыслами, а не обобщенными формулами.

«Внимательнейший» читатель Ремизов, как мы предполагаем, не пропустил также в статье Бема выражение «подкоп против Пушкина» [3, с. 55], которое могло вызвать в его памяти лексические созвучия стилю Иванова-Разумника. Однако, если Бем обвинял Адамовича в поспешии культурной «святыни», умалении значения пушкинского творческого наследия для современности, то Иванов-Разумник подразумевал под этим словом один из принципов критического метода применять художественную метафору в широчайшем диапазоне литературных аллюзий. Рассуждая о назначении «профессиональных читателей», критик старой формации рассуждал:

Итак, скажете вы, критик всегда, подобно Гамлету, должен «вести подкоп аршином глубже» художника? Глубже «Войны и Мира», глубже «Братьев Карамазовых»? О, конечно, нет — иначе критика была бы невозможна. Но задача критики — осознать неосознанное художником и вскрыть тот «подкоп», которым шел художник, ту подсознательную почву, на которой он строил¹⁶.

К числу импульсов создания новеллы «Баснописец Куковников», кроме литературных, следует отнести и личные мотивы Ремизова. Насколько задела писателя статья Бема об «Индустриальной подкове», затронувшей проблему читательского неприятия, которая очень скоро вытолкнула его на периферию эмигрантского книгоиздательского дела, читаем в письме к Б.П. Вышеславцеву. В конце 1932 г. редактор «УМСА-Press» отказал писателю в выпуске подготовленной им книги о снах в произведениях Тургенева под предлогом: «слишком она специальна, не найдет читателя»¹⁷. Более перспективной в издательстве считали книгу ремизовских сказок. Отвечая на предложение своего корреспондента: «Придумайте что-нибудь, дабы призвать читателя к сознанию своего долга перед русскими писателями и издателями»¹⁸, Ремизов пытался объяснить, как он видит сложившуюся проблему, остро сказавшуюся на его возможностях публиковаться. Как и прежде писатель в своих рассужде-

¹⁶ Иванов-Разумник. Собр. соч. Т. 2. С. 5.

¹⁷ Ремизов и УМСА-Press: Переписка 1925–1932 годов / публ. и коммент. О. Раевской-Хьюз // Вестник Русского христианского движения (Париж). 2005/2006. № 190 (1). С. 296.

¹⁸ Там же. С. 297.

ниях опирался на основной концепт Достоевского «живая жизнь», упомянутый в статье Бема, посвященной рассказу «Индустриальная подкова», и впоследствии в речи Куковникова. Обратим также внимание на авторский образ мыслей, апеллировавший к известным художественным произведениям:

Вы спрашиваете, как читателя привести к сознанию своего долга?... — может быть, еще не поздно, хотя много труда положено, чтобы убить сознание. У Сервантеса есть одно очень верное замечание. «Виновата не публика, говорит он, — будто бы требующая нелепых зрелищ, а те, кто не умеет показать, ей ничего другого»¹⁹.

Наши <редакции>, как Современные Записки, Последние новости, а также УМСА <очень часто ?> руководятся уровнем какого-то воображаемого читателя, «требующего нелепых зрелищ». За эти большие годы все <делалось ?> не для того, чтобы поднять, а еще больше снизить требования читателя или зрителя «легкостью и пустотой».

Получилась невероятная вещь: я попал в разряд каких-то тяжких преступников, которые не имеют не только права голоса, НО И ПРАВА СУЩЕСТВОВАНИЯ.

Не знаю, как эту «живую жизнь» перевести и означить в религиозно-философских терминах! Или под какую статью закона <подвести ?> мое преступление!²⁰.

3

Почти два года спустя, 6 сентября 1933 г. от замолчавшего пражского корреспондента Ремизову сначала пришло письмо, а следом и бандероль с критическими публикациями Бема в варшавской газете «Молва». Одна из них (под названием «Правда прошлого») содержала отзыв на ремизовский рассказ «Наперекор»²¹, написанный в кардинально отличной от «корнетовского» цикла стилистической манере. Однако критик обнаружил и в новом произведении сквозную для творчества писателя тему, касающуюся «единственно важного» — «о человеке и постижении им мира» [3, с. 115]. Бем начал свою рецензию с обобщений, поднимавших литературный

¹⁹ Источником писателю послужило издание «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (М.; Л.: Academia, 1929 (1-е изд.); 1932 (2-е изд.)). О субстрате романа Сервантеса и сюжетах в «Учителе музыки», связанных с его изданием в серии «Литературные памятники», см. в монографии: [6, с. 140–151].

²⁰ Ремизов и УМСА-Press: Переписка 1925–1932 годов. С. 297.

²¹ См. Приложение, п. 1.

труд Ремизова последних лет на уровень выдающихся произведений современности:

Щемящая боль за человека проходит красной нитью через творчество Ремизова. <...> Как жаль, Ремизов вынужден кусочками печатать свою потрясающую трагедию русской эмиграции! Кто из нас, эмигрантов, следит внимательно за историей Корнетова? А я склонен думать, что когда-нибудь Корнетов станет именем нарицательным. Я не найду для прозы Ремизова настоящего определения, ибо все старые названия не передают ее сущности. Так для себя <...>, я называю ее «медитативная проза», то есть проза раздумия. Хотя Ремизов традиционно связан и с Гоголем, и с Достоевским, но ни гоголевский «натурализм» (сам по себе не очень удачный термин), ни «философский реализм» Достоевского не подходят для обозначения существа его творчества. <...>. Всюду там, где речь идет о «единственно важном» — о человеке и постижении им мира — у Ремизова появляется то, что я называю «раздумьем» [3, с. 115].

Неожиданное отступление от предмета рецензии нам видится следствием обдумывания эпистолярных и художественных посылов писателя, в частности, заставивших адресата откорректировать свою интерпретацию «изоляции» писателя от читателя, высказанную в статье об «Индустриальной подкове». Бем, полагаясь в научной практике на психоаналитическую методологию З. Фрейда и его последователей, попытался найти причины «одиночества» писателя в защитных свойствах психологии. Поэтому вместо версии о бегстве в «улиточный домик», критик теперь писал об изгойстве, возникшем в результате «отсутствия корректива сочувствующей среды». «Отсюда и некоторое искажение <...> писательского лика, — рассуждал он, — если хотите — некоторая доля “юродства”»²². Подразумевая глубинную связь Ремизова с национальной культурной традицией, устойчиво соотносившей социальную роль юродивых с трансляцией инаковости образа мыслей, пражский корреспондент впервые в зарубежной критической рецепции обособляет писателя в ряду известных соотечественников как «явление литературы русской во всем ее непреходящем значении», к которому «неприменима эти-

²² См. также: Приложение, п. 1. Применительно к Ремизову определение «художественное юродство», по всей вероятности, впервые прозвучало в лекции И.А. Ильина, прочитанной на немецком языке 13 января 1931 г. Реакция писателя гипотетически прослеживается по сохранившимся письмам философа [19, с. 183]. См. также: [7].

кетка “эмигрантская” литература» [3, с. 114]²³. Такая оценка полностью отвечала ремизовской личной позиции. В самом начале своей зарубежной жизни он утверждал, обращаясь к В.Н. Тукалевскому: «...за эмигранта не считаю себя»²⁴. Впоследствии такая самоидентификация получила выражение в формуле, не раз произнесенной им в кругу друзей: «Где русские — там Россия»²⁵. В сущности, в смысловом поле этой фразы находится одно из значений образа «улитки»-«книжника», связанное с осознанием языка и культуры как единственной реальности, в которой остается человек, независимо от географии его судьбы: дом человека — это его родной язык и его национальная культура.

4

В истории контактов Ремизова с Бемом глубоко символичной становится появление в ландшафте эмигрантской литературы Иванова-Разумника, который с 1942 г., несмотря экстремальные условия существования в немецком лагере для переселенных, приступил к творческой работе и установил связи с соотечественниками²⁶. Пражский ученый старался по мере возможностей устроить судьбу известного историка литературы и познакомить с культурой эмиграции. Уже в первых письмах корреспонденты касаются имени Ремизова. Откликаясь на несохранившееся письмо Иванова-Разумника, Бем в апреле 1942 г. излагал свое устойчивое мнение:

Ремизова я, подобно Вам, очень ценю; его литературная судьба сложилась очень тяжело — и в эмиграции он остался одиноким и непризнанным. Но, пожалуй, иначе и быть не могло, он слишком своеобразен и труден для широкого круга читателей. А здесь — и почвы для него не было²⁷.

²³ В статье Бема наравне с Ремизовым рассматривается феномен М.И. Цветаевой. В контексте русского зарубежья критик объединяет два имени по сходству литературного поведения и ответной рецепции их творчества. См. п. 1. Ср. также близкие по смыслу высказывания Бема в его статье 1934 г. [3, с. 169].

²⁴ ГАРФ. Ф. 577. Оп. 1. № 697. Л. 14; письмо от 16 февраля 1922 г.

²⁵ *Прегель С.* Разговор с памятью: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2017. Т. 2: Письма. С. 743–1527.

²⁶ См.: Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / публ., вступ. статья., подгот. текста и коммент. О.П. Раевской-Хьюз. М.; Париж: Русский Путь; УМСА-Press, 2001.

²⁷ Там же. С. 165.

Со своей стороны, историк литературы, наблюдавший творческое развитие писателя с 1908 г., был убежден в оригинальности его таланта, строго говоря, не встроеного ни в одно из доминирующих литературных направлений начала XX века. Вспоминая имена законодателей русского декадентства и символизма, Иванов-Разумник отвечал Бему в письме 1943 г.: «Ремизова не считаю ни в тех, ни в сех, — он сам по себе»²⁸.

В общении Ремизова и Бема собственно модель коммуникации критик–писатель быстро потеряла актуальность; на ее месте со временем возникла другая, взаимоотноительная оппозиция, обнаруживавшая параллели и сближения. Научные интересы профессионального историка литературы имели прямые пересечения с толкованием произведений русской классики в творчестве Ремизова. Избегая взаимовлияний и встречных воздействий, каждый со своим инструментарием обращался к темам сновидений как литературной формы²⁹. Так, Бем продолжал писать о преемственности Ремизова Достоевскому, настаивая на прочтении рассказа «Индустриальная подкова» как произведения, в котором переживание чувства вины заключает в себе очистительную, целительную для экзистенционального сознания русского эмигранта функцию. В свою статью «Проблема вины в художественном творчестве Достоевского» (1936) он внес упоминание о писателе, тем самым подчеркнув равнозначность научного и художественного осмысления природы человека:

Почему я позволил себе это неожиданное отступление в сторону от темы о Достоевском? Потому, что я убежден, что Ремизов писал свой рассказ в непосредственной связи с проблемой вины у Достоевского. Рассказ Ремизова является для меня доказательством того, что в своем понимании сущности этой проблемы я не одинок³⁰.

Ремизов тем временем исходил из своей практики «внимательнейшего» чтения, тщательно прорабатывая труды ученых, подробно изучая историко-литературный контекст возникновения феномена

²⁸ Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову: (1908–1944 гг.). С. 150.

²⁹ Об отличиях в методологиях Бема и Ремизова см.: [15, с. 197–199].

³⁰ Цит по: Бем А.Л. Достоевский: Психоаналитические этюды. Берлин: Петрополис, 1938. С. 161.

Достоевского. Такова была его работа над очерком «Скверный анекдот: Потайная мысль Достоевского из каторжной памяти», приступая к которой, писатель просил известного парижского библиографа В.В. Бутчика в письме от 16 ноября 1944 г.:

...спрашиваю о «Скверном Анекдоте» 1862 г., хотелось бы мне узнать историю этого рассказа. У Бэма <sic!> нет ничего. Нет ли в «Литер[атурном] наследстве» там, где о Достоевском. М. б. кто-нибудь писал специально? (я не встречал)³¹.

Вторая книга парижского сборника «Встреча» (Изд-во Объединения русских писателей во Франции), в которой был впервые опубликован ремизовский очерк, вышла в ноябре 1945 г. А.Л. Бем — один из адресатов этого произведения — в это время уже считался пропавшим без вести, как многие из эмигрантов-соотечественников, погибших в послевоенные годы в застенках НКВД (см.: [13]).

Содержание четырех новонайденных писем в концентрированном виде выдвигает на первый план истории русского зарубежья отдельную группу эмигрантского интеллектуального сообщества, которая была Ремизову наиболее близка и подставляла для него максимально комфортную среду коммуникации. Тема «книжников», близких знакомых корреспондентов стала объединительным мотивом для писателя и его пражского корреспондента, так и не повстречавшихся друг с другом лично. В ремизовском понимании типаж «книжника» характеризуется потребностью во внимательном чтении, которая свойственна не только профессиональным специалистам, но и таким любителям из обывательской среды, литературным двойникам писателя как Корнетов и Куковников. Несомненно, к числу «книжников» Ремизов относил и самого А.Л. Бема, а также упомянутых в переписке историка литературы, интеллектуала Иванова-Разумника, лингвистов Бориса Унгбегауна и Макса Фасмера, профессиональных библиографов, коллекционеров-библиофилов Владимира Тукалевского, Артура Лютера и Александра Оцуа (Сергея Горного).

³¹ Lettres d'Aleksej Remizov à Vladimir Butčik / publ. d'H. Sinany-MacLeod // Revue des études slaves. 1981. T. 53, fasc. 2. P. 304.

В Приложении к статье публикуются четыре письма Бема к Ремизову по автографам, хранящимся в фонде писателя (Центр Русской культуры Амхерст-Колледжа (США). Архив А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло (Amherst College Center for Russian Culture (USA). «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers»); в тексте статьи и Приложения принято сокращение: Amherst). Тексты писем воспроизводятся в соответствии с современными правилами орфографии с сохранением некоторых особенностей авторского написания и пунктуации, подчеркнутые в письмах слова воспроизводятся курсивом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

Прага. 6 сент<ября> 1933

Многоуважаемый
Алексей Михайлович,

Псылаю Вам (бандеролью, отдельно от письма) несколько своих литературных фельетонов, появившихся в «Молве». Один из них, «Правда прошлого», в своей значительной части является откликом на Ваш рассказ «Наперекор»¹. «Молва» вне Польши так мало распространяется, что вряд ли Вам мои «Письма о литературе», которые являются прямым продолжением моих статей в покойном «Руле», попадают в руки². Все же хочется, чтобы Вы их прочитали. Надеюсь, что Вы на меня не рассердитесь за «юродство», кот<орое> я употребил в совершенно особом смысле: для меня это почти технический ист<орико>-литературный термин. Всюду, где происходит разрыв между настоящим, т. е. имеющим сказать что-то свое, писателем и публикой, происходит своеобразное заострение своей манеры, доходящее в известных случаях до литературного «юродства». Вижу, что мне точно не удалось Вам объяснить — и уж сердитесь — не сердитесь, и так, любя Вас как писателя, написалось³. Не знаю, останетесь ли Вы довольны и неожиданным соседством с Мариной Ивановной Цветаевой⁴.

Вскоре выпускаю II-й выпуск сборника «О Достоевском»⁵. Печатание уже подходит к концу — и все же еще боюсь «сглазить». Нынче исчезли богатые меценаты, но зато появляется новый тип мецената, жертвующего не от изобилия, а от скудости.

Если бы не «маленький человек», скромный русский типограф, собственными руками своими набравший 12 печ<атных> листов

книги без всякой надежды на вознаграждение, книга эта никогда не появилась бы. В сборнике будет моя юбилейная речь о Достоевском («Д<остоевский> — гениальный читатель»), кот<орую> вышлю Вам как только получу оттиски⁶. Вашим отзывом очень дорожу.

Сегодня вспоминали Вас вместе с Вл<адимиром> Ник<иколаевичем> Тукалевским⁷.

Остаюсь искренне преданным Вам,

А. Бем.

Бем, Альфред Людвигович

Ručkohva 597, Prague XIX

Tchécoslovaquie

Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 7. Folder 2. В хронологии переписки корреспондентов письмо Бема является ответом на бандероль Ремизова (от 28 сентября 1931 г.) с книгой «Оля» (1927) [1, с. 376].

¹ Бем А. Правда прошлого (Молва. 1933. 20 августа. № 189). Рассказ Ремизова «Наперекор» (первые: Последние новости. 1933. 16 июля. № 4498) относится к жизнеописанию Оли Ильмёновой (прототип образа С.П. Ремизова-Довгелло), начатому в повести «В поле блакитном» (Берлин, 1922) и книге «Оля» (Париж: Вол, 1927); впоследствии включен в содержание романа «В розовом блеске» (1952).

² Цикл критических очерков под общим заголовком «Письма о литературе» начиная с 15 апреля 1931 г. печатался в берлинской газете «Руль», в которой А.Л. Бем принял заведывание литературно-критическим отделом, заменив на этом редакционном посту трагически погибшего в 1928 г. Ю.И. Айхенвальда. О печатной истории цикла и планах критика издать отдельной книгой «Письма о литературе» (1931–1939), публиковавшиеся после «Руля» (последний номер газеты вышел 14 октября 1931) в варшавских газетах «Молва» и «Меч», см. во вступит. ст. М. Бубениковой и Л. Вахаловской [3, с. 18–19].

³ О позиции Бема см. в наст. ст., с. 74–75. В опубликованных ответных письмах Ремизова реакция на терминологию критика не отражена; см: [1, с. 341–399].

⁴ Очерк «Правда прошлого» посвящен двум рассказам, опубликованным в одном номере «Последних новостей» за 16 июля 1933 г.: «Правда прошлого» А. Ремизова и «Башня в плюще» М. Цветаевой. Ср. характеристики из другой статьи критика: «... о Ремизове и Цветаевой. Как это ни странно — именно у них, наиболее эмиграцией отверженных, правда эмиграции нашла свое литературное воплощение. Каждой своей строчкой, каждым движением своей художественной мысли они свидетельствуют о том, что нет высшей ценности, чем человеческая личность, что нет большего греха, чем подавление этой личности, чем надругательство над человеческой свободой» [3, с. 169].

⁵ Работы участников семинария по Достоевскому при Русском народном университете в Праге составили серию сб. статей под ред. А.Л. Бема «О Достоевском» (Т. I–III. Прага, 1929, 1933, 1936). Тексты воспроизведены в научн. изд.: О Достоевском. М.: Рус. путь, 2007.

⁶ В примеч. к статье, помещенной во втором томе сборника «О Достоевском», Бем пояснял историю создания текста: «Юбилейная речь на торжественном собрании в Праге, 7 февр. 1932 г. <правильно: 1931>. В основу этой речи положен ряд моих специальных работ по вопросу о взаимоотношениях Достоевского с Грибоедовым, Пушкиным и Гоголем» (с. 7). Сборник вместе со статьей «Достоевский — гениальный читатель» Ремизов получил от автора 15 декабря 1933 г. (см. примеч. 9 к п. 2).

⁷ Владимир Николаевич Тукалевский (1881–1936) — историк литературы и религиозно-общественных движений России; библиограф, коллекционер-библиофил; до революции член Совета Общества Толстовского музея, редактор журнала «Толстовский ежегодник». Изначально исследовательский интерес к наследию Толстого и сотрудничество с Толстовским музеем сблизили в 1912–1920 гг. Тукалевского и Бема, за эти годы ставшего редактором (совместно с В.И. Срезневским) сборника «Толстой. Памятники творчества и жизни» (Пг., 1917–1923) и составителем «Библиографического указателя творений Л.Н. Толстого» (Л., 1926, с дополнениями В.И. Срезневского). О вкладе в толстоведение Бема см. во вступ. статье Л. Ливака: [1, с. 344]. Сотрудничество Бема и Тукалевского (под руководством В.И. Срезневского) заочно началось в 1911 г., когда Бем, высланный из Петербурга за революционную деятельность, отбывал годовой тюремный срок в киевской тюрьме (подробнее см.: [11, с. 96–115]). Личное знакомство Ремизова с Тукалевским состоялось не позднее 1912 г. (см. его письма Ремизову петербургского периода: РНБ. Ф. 640. № 222), хотя именно Тукалевскому еще в 1907 г. принадлежал печатный отзыв на рассказ «Новый год», в то время редкий по восторженности оценок произведений начинающего писателя [11, с. 66–67]. Возможно, интерес Тукалевского к творчеству молодого Ремизова возник оттого, что в том же 1907 г. его супруга — актриса театра В.Ф. Коммиссаржевской Надежда Николаевна Тукалевская стала исполнительницей одной из второстепенных, но отмеченных критикой ролей в постановке скандально известной пьесы «Бесовское действо» [11, с. 54–56]. Письма из американского архива писателя содержат реалии, приобщающие библиографа Тукалевского к его петербургскому литературному окружению, описанному в рассказе «Глаголица» (1911). Общие интересы Ремизова и Тукалевского в области древнерусской истории и палеографии сблизили обоих с ученым-медиевистом И.А. Шляпкиным. В 1910-е Тукалевский был для писателя консультантом по литературе об истории церкви и агиографии. Эта же направленность общения возобновилась в эмиграции. В Праге Тукалевский возглавил Библиотеку Земгора, в 1924 г. стал директором Русской библиотеки Министерства иностранных дел ЧСР, в 1928 г. переименованной в Славянскую библиотеку при Славянском институте в Праге. Вплоть до 1936 г. Тукалевский нередко отправлял в Париж необходимые Ремизову издания во временное пользование.

2.

Бем, Альфред Людвигович
Ručkohva 597. Prague XIX
Tchécoslovaquie

Прага 12 декабря 1933 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Алексей Михайлович,

Большое спасибо Вам за «Тургенева-сновидца» на французском языке¹. Как досадно, что нельзя найти русского издателя! Для меня Ваша книжечка настоящий праздничный подарок². Я в связи с юбилеем перечитывал вновь Тургенева, и Ваше понимание его мне очень близко. Здесь читал о Тургеневе П.Н. Милюков и сделал из него такого причесанного позитивиста и умницу, что от «сновидца» ничего не осталось³. Не помню, посылал ли Вам собственную статью о Тургеневе, напечатанную в «Молве»?⁴

Небольшую заметку о франц<узском> Тургеневе я поместил в «Чешском Слове». К сожалению только несколько строк, чтобы обратиться на нее внимание⁵. Сегодня смотрел Вашу выставку «Рисунки русских писателей», устроенную Н.В. Зарецким, и был поражен количеством Ваших рисунков⁶. Особенно мне понравился Гоголь⁷. Собираюсь о выставке тоже в местной печати поминать⁸. Досадно, что у меня с нашими русскими газетами в Париже отношения не налажены. Писать без уверенности, что напечатают, нет никакой охоты.

Одновременно посылаю Вам II т. своего сборника «О Достоевском». Думаю, Вы оцените «Словарь личных имен», приложенный в конце⁹. Я его читаю, как книгу! Написал я довольно большую статью «о личных именах у Достоевского», кот<орая> печатается *по-русски* в Болгарии, в одном юбилейном Сборнике¹⁰. Надеюсь, что она появится в печати уже скоро.

То, что мне удалось в настоящее время сборник издать — это просто *чудо*. Если бы рассказать европейцу, как он издан, он не поверит. Тут меценатство самое трогательное — начиная с труда русского наборщика, кот<орый> пока удовлетворился оплатою бумаги и сторонней работы. А наша печать этой работы почти не замечает. Это еще в лучшем случае, а то Адамович еще и выругает, не понимая, по существу, в этом ничего¹¹.

Моя долголетняя работа над Достоевским прошла мимо русского читателя, п<отому> ч<то> никому до этого дела нет. Иногда досада разбирает, когда иностранцы, оказываются лучше осведомлены и более отзывчивы, чем свои. Ну, да бог с ними, жалобами дела не поправишь.

У нас здесь в русской колонии очень подавленное настроение. Настоящий мор на русских. Досадно, что умирают сравнительно еще молодые, как Евреинов, Жекулин¹². Не проходит недели, чтобы кого-нибудь не хоронили. Живем мы здесь все очень скученно, поэтому каждая смерть отзывается на самочувствии. Собираюсь Вам послать снова несколько своих «Писем о литературе» из «Молвы». Примите их благосклонно.

Будьте здоровы и душевно бодры. Привет Вашей жене, о которой знаю еще по Петербургу, но лично не довелось встретиться¹³.

Искренно Ваш А. Бем.

Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 7. Folder 2. Продолжение переписки, последовавшей после письма Ремизова от 24 октября 1933 г. [I, с. 378]. На лицевой стороне письма сверху рукой Ремизова поставлена дата получения: 15 XII.

¹ Речь идет о ремизовском исследовании поэтики сновидений, впервые опубликованном под заголовком «Тридцать снов Тургенева. 1818–1883» в журнале «Воля России» (1930. № 7/8. С. 580–622). В 1933 г. эссе под названием «*Tourguéniev, poète du rêve*» (в переводе Анриэтты Перно-Фельдман) появилось на страницах нового парижского журнала «*Hippocrate*», во главе которого встал один из апостолов французского сюрреализма Жильбер Лели (Gilbert Lély). Публикация сопровождалась двенадцатью рисунками автора к произведениям классика русской литературы. В том же году в издательстве «*Hippocrate*» был отпечатан тираж отдельного издания: *Remizov A. Tourguéniev, poète du rêve* / Trad. H. Pernot-Feldmann. Paris: Hippocrate, 1933. В личном архиве Бема сохранилась вырезка с рецензией Ю. Мандельштама на французское издание ремизовского очерка: *Ю.М. Тургенев-сновидец // Возрождение. 1934. 25 янв. № 3159. С. 4. См. ресурс: «Speciální sbírky Slovanské knihovny»: (file:///C:/Users/user/Downloads/Bem-DEF.pdf, (дата обращения: 14.11.2025))*; датировка рецензии на сайте указана неверно. См. также воспроизведение рисунков писателя: *Ремизов А. Огонь вещей: Сны и предсонье / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатнина; худож. оформление: Н.А. Теплов. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. Илл. [LVIII–LXIV]*.

² Подразумевается 100-летний юбилей со дня смерти И.С. Тургенева.

³ Очевидно, содержание пражской лекции известного общественного деятеля нашло отражение в двух юбилейных статьях: *Милюков П.Н. Русский европеец // Последние новости. 1933. 3 сент. № 4547. С. 2, в разделе «50-летие смерти И.С. Тургенева: 1883 — 22 августа (3 сентября) — 1933»; 2) Милюков П. И.С. Тургенев (1818–1883) // Современные записки. 1934. Кн. 54. С. 257–280. См. также [34, с. 85 (п. 505)]*.

⁴ Речь идет о юбилейной статье: *Бем А. Мысли о Тургеневе (3 сентября н. ст. 1833–1933 гг. // Молва. 1933. 3 сент. № 201, см. также: [3, с. 123–127]*.

⁵ Газета «*České slovo*». Подразумевалось одно из изданий, подготовленных известным историком литературы Андрэ Мазоном: *Tourguéniev I.S. Nouveaux poèmes en prose. Texte russe publié par André Mazon / Trad. de Charles Solomon. [Paris]: Edition de la Pleiade, 1930; Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguéniev. Notices et extraits par André Mazon. Paris: Champion, 1930. В библиографии Бема [34] упомянутая в письме заметка не зарегистрирована*.

⁶ 2 декабря 1933 г. в Народном музее Праги открылась выставка «Рисунки русских писателей» (см.: *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice / pod red. L. Běloševské. D. 2: 1930–1939. = Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / под общей ред. Л. Белошевой: в 2 т. Praha: Slovanský. ústav AV ČR, 2001. Т. 2. С. 229*), организованная художником, коллекционером, страстным пропагандистом русской культуры Николаем Васильевичем Зарецким (1876–1959). Экспозиция демонстрировала идею единства литературного творчества и рисования на примерах автографических раритетов в диапазоне от русского классицизма (М.В. Ломоносов), поэтов золотого века русской литературы до современных писателей-эмигрантов. Здесь были представлены печатные уникалы с репродукциями графических зарисовок и акварелей русских классиков, а также подлинные автографы. Персональный раздел посвящался графическому искусству Ремизова (общим количеством 851 лл.). В процессе подготовки этой культурной акции Ремизов прислал в Прагу не только множество своих альбомов [23, с. 269–270], но и собранные среди поэтов и писателей эмиграции образцы их любительских рисунков. Впоследствии в графической обработке Ремизова был создан альбом (1934), который в настоящее время представлен на сайте: «Наследие А.М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв. / авт.-сост. Е.Е. Вахненко, Е.Р. Обатнина» (<https://pushkinskijdom.ru/remizov/content/arhiv/2021/tetradsris.pdf>). См. также о выставке очерк Ремизова, опубликованный в «Последних новостях» под псевдонимом Василий Куковников 30 декабря 1933 г. [28, т. 14, с. 198–199]. Подробная роспись экспозиции, в том числе ее части, посвященной графике Ремизова, содержится в рукописном каталоге выставки, составленном Зарецким (сохранился в фонде художника: Бахметевский архив. USA).

⁷ Подразумевается тематический подраздел экспозиции, отведенной под графику Ремизова, — «Рисунки к произведениям Н.В. Гоголя», в котором было представлено 52 листа графических интерпретаций писателя. Шесть рисунков из этой серии, впоследствии хранившиеся в коллекции И.М. Лемперта (Париж), впервые опубликованы в изд. книги «Огонь вещей» 2005 г. (см. выше примеч. 1, илл. [I–VI]).

⁸ Свое обещание Бем выполнил, разместив в популярном иллюстрированном еженедельнике «Pestrý týden» (Прага, 1926–1945) статью с обзором выставки «Рисунки русских писателей». Отмечая размах ремизовской части экспозиции, критик уделил особое внимание своеобразию рисунков писателя, в эстетике которых, по его мнению, отразились традиции древнерусской книжности, сохранившейся в иллюминированных рукописях (*Bém A., Dr. Kresby spisovatelů* [К «Výstavě kreseb ruských spisovatelů» v Národním museu] // *Pestrý týden*. 1933. С. 55. Prosince 30, S. 20). Благодарим за перевод статьи Анне Хульч и Ф.Б. Полякова. В ремизовской галерее более представлено немало и портретов современников. Статья сопровождалась репродукцией рисунка Ремизова с портретом издателя журнала «Жар-Птица» А.Э. Когана.

⁹ См. п. 1, примеч. 5, 6. Второй том сборника завершался приложением с самостоятельной пагинацией (Словарь личных имен у Достоевского. Ч. I: Художественные произведения / сост. А.Л. Бем, С.В. Завадский, Р.В. Плетнев и Д.И. Чижевский; под общ. ред. А.Л. Бема. С. I–VIII, 1–89). О получении книги Ремизовым см.: [1, с. 378].

¹⁰ Бем А.Л. Личные имена у Достоевского // Сборник в честь на проф. П. Милетич за семидесятилетие от рождения (1863–1933). София, 1933. С. 409–434. Статья с дарительной надписью Бема сохранилась в парижской личной библиотеке Ремизова. В настоящее время: Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (ГЛИМ). Ф. 156. Оп. 2. № 962.

¹¹ Подразумевается позиция признанного в парижской эмигрантской печати критика Г.В. Адамовича. Положение литературного обозревателя самой читаемой в русском зарубежье газете «Последние новости» обеспечило Адамовичу негласную «монополию» на создание некой иерархической системы оценок современной литературы [3, с. 39]. Практически по всем вопросам литературной жизни и, особенно в оценках русской классики, Бем выступал на страницах эмигрантской периодики как постоянный оппонент Адамовича, считая высказывания парижского «корифея» о Пушкине и Достоевском некомпетентными как с точки зрения объективной истории литературы, так и с точки зрения влияния Адамовича на современную пишущую молодежь. См. аннотированные публикации двух критиков и научную рецепцию их полемики в библиографическом своде: Георгий Адамович: Библиографический указатель работ о жизни и творчестве (1916–2010) / сост. и предисл. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына [2012]. М.: ДРЗ, 2012. С. 479–586. Впоследствии оценка Адамовича литературной значимости Достоевского подверглась ревизии в статьях литературоведов, принадлежавших как к кругу А.Л. Бема, так и Адамовича: *Иваск Ю.* Письмо о литературе // Новое русское слово. 1954. 21 марта. № 15303. С. 8; *Оуэн Н.* Писатель для взрослых // Русская мысль. 1957. 9 апр. № 1040. С. 4–5. В 1930-е Ремизов разделял точку зрения Бема, солидарность с критиком он выразил в художественной форме на страницах журнала «Числа». Подробнее см.: [21; 22].

¹² Речь идет о двух известных в пражской диаспоре родственниках, скончавшихся буквально один за другим. Борис Алексеевич Евреинов (1888–1933, 29 октября), поэт, прозаик, историк, юрист. Подробнее о его литературном творчестве см. в статье Бема «Б.А. Евреинов — писатель» (Молва. 1934. 21 января; [3, с. 161–166]; см. также: [5; 12, с. 679–680 (словарная статья П.А. Трибунского)]. Сергей Николаевич Жекулин (1892–1933, 30 ноября), юрист, экономист; брат жены Б.А. Евреинова — Н.С. Евреиновой (урожд. Жекулиной). См. о нем в словарной статье М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной [12, с. 681].

¹³ Вероятнее всего, имя жены Ремизова упоминалось в кругу учеников И.А. Шляпкина, с которым Бем познакомился в студенческие годы на курсе профессора по древнерусской литературе в Петербургском университете и до эмиграции поддерживал постоянные контакты. В частности, сохранились письма Бема Шляпкину 1916–1917 гг. (ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 785). С.П. Ремизова-Довгелло вошла в число учеников известного медиевиста во время обучения (как вольнослушательница, а затем и студентка) в Императорском Археологическом институте (1909–1912). Подробнее о контактах Ремизовых и Шляпкина см. в коммент.: [28, т. 17, с. 504–505]. Ср. письмо Бема, написанное в поддержку овдовевшего Ремизова (С.П. Ремизова-Довгелло после продолжительной болезни скончалась 13 мая 1943 г.): [1, с. 381].

3.

12 июня 1937

Прага

Глубокоуважаемый и дорогой

Алексей Михайлович,

Получил через В.Ф. Булгакова¹ exlibris Вашей работы и был тронут Вашим вниманием и тем, что значит не только помните, но и «рисуночно» ощущаете — без этого ничего бы не получилось. Я в Вашей работе, кажется, улавливаю именно это Ваше истолкование меня в линиях рисунка².

Сейчас ничем не могу отблагодарить Вас — кажется все свои работы, кроме Пушкина, уже Вам выслал³. Книжечки «О Пушкине» сейчас дома нет⁴. Если у Вас ее еще нет, то, вероятно, еще будет возврат из магазина, тогда смогу выслать. Но в ней собственно только одна статья о «болдинской осени» мне самому близка, остальные ничего из себя не представляют⁵.

Моей работе «Проблема вины у Достоевского» (где я пишу о «Корнетове») ⁶ неожиданно повезло: кроме немецкого перевода, появился недавно и фламандский перевод в журн<але> «Dietsche Warande on Belfort» (Antwerpen). К. <sic> 37. NN 2 и 3⁷.

Спасибо Вам за Вашу статью о «Снах у Пушкина», хотелось бы к ней видеть рисунки⁸. В ближайшее время появится на ту же тему статья здешнего врача-психиатра, ученика Н.Е. Осипова⁹, д-ра Досужкова. Я его познакомил с Вашей статьей, и он на нее сошлется¹⁰.

<На полях слева>: Я написал в «Меч» о Замятине, прислали ли Вам этот номер?¹¹

<На полях справа>: Если Вы писали о Пушкине на иностранных языках, пришлите список; я составлю библиографию русских авторов, писавших о Пушкине вне СССР за время 1917–1937 гг. Русские статьи легче учесть при просмотре журналов и газет¹².

У нас в последнее время гастролируют парижане — были И.С. Шмелев¹³ и Ант. Ладинский¹⁴, 18-го читает Сирин¹⁵. Я поду-

мал — почему бы Вам не приехать к нам в будущем году?¹⁶ Думаю, это осуществимо, надо только списаться с председателем Союза писателей С.И. Варшавским¹⁷.

Не делился я еще с Вами впечатлениями от неожиданной смерти В.Н. Тукалевского¹⁸. Все случилось так внезапно и в такой обстановке, что я даже не знал о дне и месте похорон. Я, ведь, Вл<а-димира> Н<иколаевича> знаю еще по Петербургу¹⁹ и здесь с ним довольно часто встречался. Он меня огорчил своими шатаниями и оппортунизмом²⁰, но я все же *не допускаю мысли*, чтобы он был связан с гестапо. Думаю, что его — как и многих — погубила мечта о возвращении в Россию. На этом и поскользнулся — доверившись случайному лицу, которое оказалось замешанным в троцкистских делах. Как здесь кто-то остроумно сказал: «не в тот вагон сел». Он искупил много свалившейся на него катастрофой — жизнь его после моск<овского> процесса была мучительна, а внезапная смерть в обстановке полного отчуждения — ужасна!²¹ Я с ним как-то случайно встретился в вагоне, и он весь вздрогнул от неожиданности, когда я подсел к нему и заговорил о его деле.

Н.В. Зарецкий очень бедует, но трогателен своей беспомощностью и внезапной обидчивостью²².

Дошла ли до Вас моя книга «У истоков творчества Достоевского?» Там кое-что должно Вас заинтересовать²³. Книжечку «“Фауст” у Достоевского» тоже послал Вам²⁴. «Посл<едние> нов<ости>» не сочли нужным даже отметить в числе «полученных для отзыва». Ну, Вам-то на месте литературные нравы достаточно известны²⁵. Еще раз — спасибо Вам за дружеское внимание. Привет Вашей супруге.

Искренне преданный Вам,
А. Бем.

Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 7. Folder 7. В хронологии переписки последнее письмо 1930-х, за которым последовала пауза, прерванная в конце мая 1941 г. См.: [3, с. 379].

¹ Валентин Федорович Булгаков (1886–1966), последний секретарь Л.Н. Толстого, в 1924–1926 гг. председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии; основатель и руководитель Русского культурно-исторического музея в Збраславе; мемуарист. Во второй декаде мая 1937 г. приезжал в Париж с лекцией о Толстом, бывал у Ремизова, с которым познакомился в августе 1924 г. в Праге, тогда же был возведен в «кавалеры обезьяньего знака» и удостоен грамоты (РГА-ЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 1380. Л. 50; опубли. в разделе «Коллекция»: [23]); см. также упоминания о встрече: Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину: (1923–1925) / публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 год. СПб.: Дм. Буланин, 2009. С. 950–951.

² Графический рисунок, имитирующий гравюру с надписью «EXLIBRIS / А. БЕМ». В правом нижнем углу значок авторизации: глаголическая литера, со-

ответствующая кириллической «Червь». Рисунок хранится в «Книге посещения А.Л. Бема» («Navštěvní kniha») в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге (Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze (LA PNP)). Из пражских корреспондентов Ремизова персонального экслибриса удостоился также Н.В. Зарецкий (хранится в фонде художника: LA PNP). В Париже обладателем экслибриса стал художник Ф.С. Рожанковский; см. воспроизведение в статье: [29].

³ В парижском архиве Ремизова сохранились три оттиска статей Бема с лапидарными дарственными надписями: «Эволюция образа Ставрогина (к спору об «Исповеди Ставрогина»)» (впервые опубли.: Труды I Съезда Русских Академических Организаций за границей). София, 1931. С. 177–213. — ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 961; датировка инскрипта Бема: 19 октября 1931); «Личные имена у Достоевского» (см. п. 2, примеч. 10 — ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 962; датировка инскрипта Бема: 26 марта 1933); «Судьба двух поэтов (Блок и Гумилев)» (первая публикация: Меч. 1936. № 28–31. — ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 963; датировка инскрипта Бема: 8 июня 1936). Библиографические сведения приведены по изданию: [34].

⁴ Бем А.Л. О Пушкине. Ужгород: Письмена, 1937.

⁵ Здесь Бем подразумевает мнение Адамовича, высказанное в рецензии на сборник. Парижский критик, целясь ударить по самолюбию автора, писал по поводу новой книги: «Эмигрантская “пушкиниана” по сравнению с советской столь скучная, обогатилась к юбилейным дням сборником статей А. Бема “О Пушкине” <...>. Сборник полезен, добросовестен, обстоятелен. Однако некоторые личные особенности А. Бема, как исследователя и критика, дают себя знать — и порой вызывают досаду» (Адамович Г. Литературные заметки: Б. Эйхенбаум «Пушкин и Толстой», А.Л. Бем «О Пушкине», статьи // Последние новости. 1937. 4 марта, № 5823. С. 2–3). Далее, причисляя Бема-ученого к школе М.О. Гершензона, Адамович, в свойственной ему манере издевательского по смыслу и изощренного по конструкции высказывания, утверждал: «Собственные мысли Бема принадлежат к разряду соображений весьма почтенных и обоснованных, — однако, менее всего оригинальных или творческих». В качестве ответа критику Бем через несколько недель опубликовал в варшавском «Мече» (1937. 21 марта. № 11) пародию, в которой буквально скопированный стиль и критический метод парижского оппонента был обращен против него самого [3, с. 286–287].

⁶ Речь идет о статье, впервые опубликованной под названием «Проблема вины» в сборнике «Жизнь и смерть» (Прага, 1936. Т. II. С. 3–25). Отдельным отриском исследование было отпечатано под названием «Проблема вины в художественном творчестве Достоевского» в 1936 г (Прага), а затем включено в сборник: Бем А.Л. Достоевский: Психоаналитические этюды. Берлин: Петрополис, 1938 (то же: Прага: Петрополис, 1938). В статье Бем использовал свою рецензию 1931 г. на рассказ Ремизова «Индустриальная подкова» [3, с. 76–82], сопоставляя тему и авторское раскрытие образа главного героя А.А. Корнетова с нравственно-этической проблематикой Достоевского.

⁷ Библиографию переводов своей статьи «Проблема вины» Бем привел в примеч. к republicации статьи в сб. «Достоевский. Психоаналитические этюды» (Берлин: Петрополис, 1938. С. 142).

⁸ Очерк Ремизова «“Морозная тьма”. Сны Пушкина» (впервые: Новая Россия (Париж, ред.-изд. А.Ф. Керенский). 1937. 7 февр. № 21) был написан к торжествам, намеченным в Париже в связи со 100-летним юбилеем со дня смерти поэта. Впоследствии этот текст вошел в книгу Ремизова «Огонь вещей: Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский» (Париж: Оплешник, 1954). Работа писателя над очерком, содержащим интерпретацию сновидений в произведениях Пушкина, сопровождалась рисованием. Ср. письмо Е.А. Ляцкому от 21 января 1937 г.: «Всякий вечер вслух читал Пушкина... <...> Сейчас рисую сны Пушкина, делаю альбом, как Тургеневский» (LA PNP, фонд Е.А. Ляцкого). Через год очерк был напечатан на французском языке под названием «Pouchkine (1799–1837): Six rêves»

в сопровождении двух рисунков Ремизова: «Сон Григория» («Борис Годунов») и «Сон Марии Гавриловны» («Метель») в журнале «Cahiers G.L.M.» (1938. Mars. № 7. P. 33–39), выходившем под редакцией вождя французского сюрреализма А. Бретона. Подробнее см.: [15, с. 175–177]. Рисунки к произведениям Пушкина также воспроизведены в изд.: *Ремизов А. Огонь вещей: Сны и предсонье*. Илл. [LVI–LVIII].

⁹ Николай Евграфович Осипов (1877–1934), психиатр, невролог; представитель пражской школы психоанализа русской эмиграции; автор монографии «Tolstoj's Kindheitserinnerungen: Ein Beitrag zu Freuds Libidotheorie» (Wien, 1923), а также других исследовательских работ, посвященных проявлениям неврозов творческой личности и в художественной прозе русских писателей-классиков. См. о его методе в сравнении с ремизовской онейрической эссеистикой [15, с. 194–196].

¹⁰ Федор Николаевич Досужков (1899–1982), врач, сотрудник клиники нервных болезней Карлова университета, поэт, публицист; был восприимчивым к теме сновидений, исследуемой на базе теории З. Фрейда. Уже в июньском номере журнала «Русский врач в ЧСР», выпущенном ко «Дню русской культуры» в Праге, появилась статья Досужкова «Психологические замечания по поводу сновидения Адриана Прохорова из повести А.С. Пушкина “Гробовщик”» (1937. № 6. С. 160–168), в которой автор обратил внимание на мотив исполненного желания героя и в примечании (с. 164) упомянул сходные наблюдения Ремизова в его очерке «Морозная тьма. Сны Пушкина». Благодарим за уточнение по источнику Анне Хульч (Anne Hultsch).

¹¹ Отклик на смерть Е.И. Замятина, скончавшегося в Париже 10 марта 1937 г., — «О Евг. Замятине» (впервые: Меч. 1937. 4 июля), см. также: [3, с. 291–294].

¹² Материалы собранной Бемом библиографии переводов литературы о Пушкине остались неопубликованными; см.: [34]. Гипотетически в эти списки должны были войти две ремизовских публикации на сербохорватском и французском языках: Пушкин / прев. С. Јањић // Руски архив. 1937. № 40/42. С. 5–11 (1. «Дар Пушкина»; 2. «Сны Пушкина»); Le Don de Pouchkine // Hippocrate. 1937. № 7. P. 435–436 («Дар Пушкина», без указания переводчика).

¹³ Подразумеваются публичные выступления И.С. Шмелева 13–15 мая 1937 г., приехавшего в Прагу по приглашению оргкомитета «Дня русской культуры», приуроченного к 100-летию смерти А.С. Пушкина. В письме своему постоянному корреспонденту писатель изложил идею предстоящей «пушкинской» речи, намеченной на 13 мая. См.: *Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифровка и текстол. подгот. писем И.С. Шмелева — О.В. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. С. 174. Подробное описание «пражского триумфа» Шмелева, включая выступления с авторским чтением, сохранилось в его письме от 20 мая тому же адресату (Там же. С. 193–196).*

¹⁴ Поездка поэта и писателя Антонина Петровича Ладинского (1895–1961) в Прагу (конец мая — июнь 1937 г.) в качестве специального корреспондента пражской газеты «Последние новости» была связана, главным образом, с планами побывать в регионе Чехословакии «Подкарпатская Русь». Впечатления о встречах с пражскими литераторами и участниками поэтического объединения «Скит» Ладинский оставил в дневниковых записях. См.: *Ладинский А.П. Дневник 1932–1939 годов. Моя жизнь в Германии. Парижские воспоминания / сост., вступ. ст. О.А. Коростелева, коммент. О.А. Коростелева, А.И. Серкова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 229–230. Путевые заметки о культурной жизни чехословацкой столицы были опубликованы уже 12 июня в очерке Ладинского «Летнее путешествие: Поклон Праге» (Последние новости. 1937. № 5922. С. 2).*

¹⁵ Литературный вечер В.В. Набокова с чтением избранных и еще неопубликованных произведений состоялся в Союзе русских писателей и журналистов (Прага) 18 июня 1937 г. См.: *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice / pod red. L. Běloševské. D. 2: 1930–1939. S. 431.*

¹⁶ Неизвестно, какими принципами отбора участников «Дня русской культуры» 1937 г. руководствовался пражский комитет; приглашение Ремизова и гонорар

за выступление отчасти могли поправить ситуацию, о которой писатель упоминал в письмах в Прагу в связи с редкой возможностью публиковаться в повременной печати и издавать книги [1, с. 377–378]. А.Л. Бем имел непосредственное отношение к организации этого ежегодного мероприятия. Ремизов принимал активное участие в программе февральских пушкинских торжеств 1937 г., проходивших в Париже. Так, он опубликовал в юбилейном номере «Последних новостей» очерк «Дар Пушкина» (1937. 10 февраля. № 5801. С. 1). Тогда же появился в печати и его очерк «Морозная тьма» (см. примеч. 8). Однако рассказ «Шиш еловый» (1933) обозначил нетерпимость писателя к шаблонам официального юбилейного дискурса. См. также созданный в промежуток между пушкинскими юбилеями артефакт, в котором прослеживается рефлексия писателя на тему парадоксов культа: [20]. Для минимизации списка приглашенных парижан на «День русской культуры» в Праге существовали также и политические причины. Еще годом ранее возникли неожиданные препятствия со стороны просоветской пражской официальной печати, в результате которых ранее широко отмечаемый праздник, ассоциированный с днем рождения Пушкина, был ограничен в размахе и средствах. Подробнее см.: [9]. 1938 год уже прошел в иных исторических реалиях.

¹⁷ Сергей Иванович Варшавский (1879–1945, исправительно-трудовой лагерь, Караганда), юрист, журналист; отец писателя Владимира Варшавского; с 1923 г. жил в Праге; активный участник общественной жизни русской диаспоры, председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии (1934–1940). Подробнее о нем см. в послесловии М.А. Васильевой в: *Варшавский В.С.* Ожидание: проза, эссе, литературная критика. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Книжница, 2016. С. 541–548.

¹⁸ В.Н. Тукалевский скоропостижно скончался от онкологического заболевания 13 декабря 1936 г.

¹⁹ Бем в петербургский период его биографии был связан с В.Н. Тукалевским исследовательскими интересами к творческому наследию Л.Н. Толстого. См. примеч. 7 к п. 1.

²⁰ Идеологические и тактические разногласия двух соратников по пражской платформе «Крестьянская Россия» обозначились еще на ранних этапах деятельности этой организации. Однако более всего Бем осуждал возвращенческие настроения Тукалевского, питавшего в предвоенные годы иллюзии по поводу культурных взаимодействий СССР и Чехословакии. Обширный материал к теме представлен в главах монографии и переписке двух пражан: [11].

²¹ Речь идет о так называемом «первом московском процессе», на котором показательному разоблачению подверглись бывшие партийные руководители из числа троцкистской оппозиции. Материалы к делу об «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» собирались в Москве с января по август 1936 г. В ходе расследования по показаниям одного из арестованных была выявлена причастность Тукалевского к организации террористической акции против Сталина, подготовленной германской тайной полицией (гестапо), уже в 1933 г. приступившей к укреплению контроля над странами Европы, в скором времени оккупированными вермахтом. Фальсифицированные обвинения за отсутствием доказательной базы по делу были сняты только в 1988 г. (см.: [11, с. 653–686]). Ср. также краткие комментарии Ремизова к упоминанию о вдове Тукалевского в дневнике С.П. Ремизовой-Довгелло 1937 г.: «... <Н.Н.> Тукалевская изображала в “Бесовском действе” Ангела, существо кроткое. Вл<адимир> Никол<аевич> Тукалевский книжник, тогда он помер в Праге. Бог знает, в чем его обвиняли. А. Р.» [28, т. 18, с. 133]. См. также примеч. 7 к п. 1.

²² Ремизов, лично познакомившийся с Зарецким в 1922 г. в Берлине и с тех пор состоявший с художником в интенсивной переписке, хорошо знал обстоятельства жизни своего старого друга. Накануне 1937 г. писатель и его жена получили новогоднее поздравление из Праги, в котором обычно полный энтузиазма и творческих планов корреспондент объяснял затянувшееся молчание: «Давно

не писал вам попросту оттого, что нет денег купить марку. Давно не было так трудно, как сейчас. Заказов нет, моя собственная работа лежит, т. к. нет возможности купить материал. Эта невольная бездейственность очень мучительна, т. к. я уверен, что умри я сейчас, все мои накопленные материалы пропадут, а хотелось бы оставить все в порядке» (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 2. Folder 8). См. также о Зарецком: [24].

²³ Речь идет о третьем в серии пражских сборников «О Достоевском», выпущенных под редакцией Бема (Т. 1. 1929; Т. 2. 1933). Последний сборник был составлен исключительно из исследовательских работ Бема и получил название «У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский» (Т. 3. Прага: Петрополис, 1936). Очевидно, что Бем подразумевал интерес Ремизова к гоголевской традиции в творчестве Достоевского.

²⁴ Отдельный оттиск публикации: *Бем А.Л. «Фауст» в творчестве Достоевского* // Русский свободный университет в Праге. Praha, 1937. 33 с. (Записки Научно-исследовательского объединения. Т. V. № 29. С. 109–141). В парижской библиотеке Ремизова (в наст. время частично передана в ГЛМ) оттиск не выявлен.

²⁵ Действительно, Ремизов не раз в переписке с друзьями и даже открыто, обращаясь непосредственно к редакторам известных изданий, заявлял о «замалчивании» его книг в списках новинок литературы на страницах парижской эмигрантской периодики. Ср. письмо Ремизова Сосинскому, написанное 21 февраля 1928 г., в котором писатель объяснял мотивацию своих претензий к редакциям эмигрантской периодической печати (в частности, редактору «Воли России» М.Л. Слониму): «Дорогой Бронислав Брониславович, передайте Марку Львовичу: неужели среди сотрудников В<оли> Р<оссии> он не нашел, кто бы дал отзыв в отделе “Отзывы о книгах” о “Взвихр<енной> Руси” и об “Оле” — кратчайший, как это сделал С<вятополк>-Мирский в “Верстах”, и тем зарегистрировал книгу, а мне дал возможность послать издателям. Два органа постеснялись откликнуться: “Дни” и “Воля России”» (РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 10). Продолжая эту тему в связи с намерениями Слонима привлечь писателя в качестве «ближайшего» сотрудника редактируемого им журнала, Ремизов напоминал тому же корреспонденту о «байкоте» его книг и добавил: “Это же просто НЕДОПУСТИМОЕ отношение к русской литературе — <писателями. — зчрки.> нельзя так швыряться! (от “Возрождения” я и не ждал, от “Дней” — сначала ждал, а потом вижу какая-то всеобщая паника и “независимость”. Вот это Вы передайте М<арку> Л<ьвовичу>. Во второй раз я не напишу ни “Оли” ни “Вз<вихренной> Рус<и>”» (Там же. Л. 12). Однако за выбором рекламируемой литературы всегда стояла политика редакций, руководствующихся часто исключительно коммерческими интересами или вкусовыми предпочтениями заведующих литературных отделов. Показательный пример такого отношения Ремизов и Бем испытали в своих взаимоотношениях с редакцией «Современных записок». Подробнее см.: «Ведь и вправду: мое литературное бытие — курам на смех»: А.М. Ремизов / публ., вступит. статья и примеч. А.А. Данилевского и С.Н. Доценко // «Современные записки» (Париж, 1920—1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2014. Т. 4. С. 433–524, [32].

4.

31. III 1944. <Прага>.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович,

Поздравляю Вас с вчерашним Днем Ангела, если Алексей человек Божий Ваш святой¹. Вы ведь не знаете, что я Ваш тёзка, так как при переходе в православие принял имя Алексея. Мало кому об этом говорю — дело мое личное, внутреннее, но Вам — сёимениннику —

хотелось сказать². — От Арт<ура> Лютера было недавно письмо; он благополучен, но библиотека его пострадала³. Серг<ей> Горный потерял все — от квартиры ничего не осталось; у него было хорошее собрание автографов⁴.

Проф. Фасмер⁵ (берлинский ставший) тоже потерял свою библиотеку; особенно горюет о русских книгах⁶.

Было недавно большое письмо от Ф.А. Степуна⁷; он кончает книгу воспоминаний⁸. Разумник Васильевич из деревни, где ему оставаться невозможно, должен был переехать к знакомым, в Германию; м<ожет> б<ыть> попадет в Прагу⁹. Написал жуткую книгу о «писательских судьбах» в России¹⁰. Адрес Унбегауна сообщите, как только узнаете¹¹.

Дружески Ваш А. Бем.

Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 8. Folder 6. Почтовая карточка является ответом на письмо Бема от 28 февраля 1944 г. См.: [1, с. 386]. В начале текста рукой Ремизова поставлена дата получения: 25 IV. Текст письма несет на себе след официальной перлюстрации — перечеркнут голубой чернильной полосой.

¹ День памяти преподобного Алексия Человека Божия празднуется православной церковью 30 (17) марта. Ремизов, намечая символические связи своего личного имени с вневременными культурными кодами, в равной степени ценными как для русской, так и для европейской традиции, в неопубликованной при его жизни автобиографии 1923 г. писал: «Назвали меня Алексеем — именем Алексея Божия человека — странника римского. И вот нечаянно-негаданно судьба дала мне в руки посох и в ранней молодости странствие по свету выпало мне на долю» (цит. по: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris: YMCA-Press, [1983]. С. 176). Однако собственные именины писатель отмечал в день памяти Святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси. В письме к своему новому послевоенному корреспонденту он, очевидно, отвечая на вопрос о небесном покровителе, не без иронии пояснял: «Все московские чтят Алексея Божьего человека, — а именины празднуют на Алексея, митрополита московского 5 октября» (цит. по: Ремизов и Голландия: Переписка с Б.Н. Рапчинским: (1947–1957) / сост. Т.В. Цивьян; публ. и коммент. Я.В. Эйтен-Коопманс. М.: Наука, 2004. С. 56).

² Крещеный по обряду римско-католической церкви (Киев, 1886), Бем совершил переход в православное вероисповедание 12 ноября 1937 г., приняв имя Алексея. Обоснование выбора имени см. в статье: [10].

³ В письме Бему от 28 февраля 1944 г. Ремизов спрашивал: «Жив ли Лютер Ар.О. <sic! — ошибка набора. — Е.О.>. Слышал, много погибло из книжной казны» [1, с. 386]. В оригинале письма второй инициал написан буквой старорусского алфавита «фита» (LA PNR, фонд А.Л. Бема). См. примеч. публикатора: «личность не установлена» [1, с. 386, 399]. Артур Федорович Лютер (нем. Arthur Luther; 1876–1955) происходил из российских этнических немцев; выпускник Московского университета, библиограф, критик, переводчик (в частности, произведений Ремизова на нем. яз.); историк русской литературы, знакомый с обширным кругом известных представителей русской литературной эмиграции. В его первом письме, адресованном на берлинский адрес Ремизова, читаем: «Великому магистру Обезьяньего ордена Алексею Михайловичу Ремизову русский немчин Артур Федоров сын Лютер, проживающий ныне в саксонском граде Липске (Лейпциг тож),

но родившийся в российском богоспасаемом граде Орле — в нем же родились Тургенев, Иван Сергеевич, Лесков, Николай Васильевич <sic!>, Федотова, Лукерья Николаевна <правильно: Гликерия Николаевна; актриса>, и Андреев, Леонид Николаевич — и там же, да в Первопрестольной Москве все науки прошедший, челом бьет» (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 3. Folder 4; п. от 25 марта 1923). См. также библиографию исследовательской литературы, касающейся творческой деятельности Лютера, и дополнения к его биографии в статье: [26].

⁴ Александр Авдеевич Оцуп (лит. псевд. Сергей Горный; 1882–1949), поэт-сатириковец, прозаик, старший брат поэтов Николая Оцупа и Георгия Оцупа (псевд. Г. Раевский); с 1924 по конец 1944 г. жил в Берлине, после попадания в дом бомбы и под угрозой ареста смог выехать с семьей на безопасную территорию в Гослар (Нижняя Саксония). Биографию А.А. Оцупа см.: [30]. В письмах Горного 1930-х обнаруживается отзвук его библиофильской страсти, см.: Вести из провинции: Письма Сергея Горного Александру Амфитеатрову // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена, проблемы, факты. М.: МГУ, 2000. Вып. 1. С. 214.

⁵ Макс Фасмер, (нем. Max Julius Friedrich Vasmer; рус. Максимилиан Романович (Рихардович); 1886–1962), выходец из семьи петербургских немцев; представитель русской лингвистической школы, славист, балканист, лексикограф. ученик И.А. Бодуэна де Кортунэ и А.А. Шахматова. Петербургские пересечения Бема с Фасмером связаны с научными контактами в кругу названных ученых, а также с подготовкой библиографического указателя «Обозрение трудов по славяноведению», выходявшего в 1911–1914 гг. под редакцией В.Н. Бенешевича под грифом Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. В 1921 г. Фасмер получил место профессора историко-филологического отделения философского факультета Лейпцигского университета. В 1925 г., как и Бем, был выбран ординарным профессором по славянской филологии в Славянском институте Берлинского университета им. Фридриха-Вильгельма (Slavische Institut an der Friedrich-Wilhelms Universität). В 1928 г. был избран чл.-корр. АН СССР; в СССР в 1934 г. его младший брат, нумизмат, востоковед Рихард-Вильгельм-Георгий Рихардович (Роман Романович) Фасмер (1888–1938, особый лагерь трудового перевоспитания № 19 УМВД Узбекской ССР) был репрессирован «за связи с заграницей». Подробнее см.: *Валиев М.Т.* Макс и Рихард Фасмеры — время и судьбы // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект. СПб., 2012. Вып. 7. С. 291–303. Ремизов не был знаком ни с одним из братьев Фасмеров.

⁶ Во время войны Фасмер занимался подготовкой своего фундаментального труда «Этимологический словарь русского языка» в 4-х томах (первая редакция на нем. яз.: 1950–1958; в переводе на рус. яз. 1964–1973). Предварительная картотека к словарю погибла вместе с обширной личной библиотекой ученого 30 января 1944 г. в результате попадания в дом фугасной бомбы. Ср. воспоминания свидетеля: «У Фасмера была богатая, тщательно подобранная домашняя филологическая библиотека, которой он очень гордился. Когда однажды после бомбежки он вернулся из подвала в изрядно разрушенную квартиру, он в первую очередь беспокоился о книгах. Книги, как ему показалось, слава Богу, не пострадали; ровными рядами они стояли на своих местах. Но при первом прикосновении они рассыпались в прах» (цит. по: [4, с. 116]. Подробнее о научной деятельности ученого в Берлине см.: [35, S. 220–221, 223–224].

⁷ Еще один из корреспондентов «прусского подданного» А.Л. Бема — русский немец, уроженец Москвы Федор Августович Степун (нем. Friedrich Step(p) u(h)n, 1884–1965), философ, писатель, в Германию прибыл из Москвы на «философском пароходе»; соредaktor сборников «Логос» (1925–1928); в 1926 г. был избран профессором по кафедре социологии Дрезденской высшей технической школы; 21 июня 1937 г. по доносу был уволен нацисткой администрацией за политическую неблагонадежность с запретом публикаций и преподавания. С Бемом Степун состоял в многолетнем эпистолярном диалоге, завязавшемся во второй половине 1920-х. В начале 1930-х они познакомились лично и до 1937 г. представ-

ляли друг другу возможность научных выступлений как в Праге, так и в Дрездене. Как влиятельный сотрудник журнала «Современные записки» Степун всячески продвигал Бема в качестве заведующего критическим отделом журнала [32, с. 196–198, 202]. В пражском архиве Бема сохранилось 16 писем Степуна (LA PNR, фонд А.Л. Бема).

⁸ Упоминание о работе над последней главой («о большевизме») двухтомных воспоминаний, еще не получивших в то время названия «Сбывшееся и несбывшееся», встречается в письме Степуна в Прагу от 24 февр. 1944 г., отправленном из Дрездена (см.: [25]; *Степун Ф.А.* Письма / сост., коммент., вступит. статьи В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. С. 321). В последней главе первого тома мемуарист посвятил значительный эпизод личной биографии начала 1910-х, в котором описано знакомство с Ремизовым и посещение петербургской квартиры писателя. Впервые воспоминания Степуна появились в печати на нем. яз. под заглавием «Vergangenes und Unvergängliches» (Bd. 1–3. München: Kösel Verlag, 1947–1950); русское изд.: *Степун Ф.* Сбывшееся и несбывшееся: в 2 т. New York: Издательство им. Чехова, 1956.

⁹ Разумник Васильевич Иванов (лит. псевд. Иванов-Разумник; 1878–1946), историк русской общественной мысли, историк литературы, критик, публицист, идеолог «скифской» литературной группы; сыграл значительную роль в творческой судьбе Ремизова. Подробнее см.: [17], Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову: (1908–1944 гг.) / публ. Е.Р. Обатниной, В.Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной и В.Г. Белоуса // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глагол, 1998. Вып. 2. С. 19–122, 244. Судьба Иванова-Разумника полна драматических коллизий. Подробнее см. вступит. статью В.Г. Белоуса к изд.: Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 5–22. Биографию Иванова-Разумника 1941–1946 гг. см.: [2; 27]. В начале февраля 1942 г. литератор и его супруга Варвара Николаевна (урожд. Оттенберг) были вывезены как Voksdeutsche (лица немецкого происхождения) в лагерь г. Конница (Konitz; совр. Choinice) в Западной Пруссии. Здесь началась переписка Иванова-Разумника с представителями русской литературной эмиграции, в частности, с Бемом и Ремизовым. См.: Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / публ., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2001. С. 73–117, 157–185.

¹⁰ Книга «Писательские судьбы», написанная в 1942–1943 гг. в лагере в Коннице, увидела свет уже после смерти автора: была издана в 1951 г. в нью-йоркском издательстве «Литературный фонд» по инициативе В.М. Зензинова. Подробнее историю создания и первых публикаций мемуарных очерков (в частности, под названиями «Погибшие», «Задушенные», «Приспособившиеся» и др.), посвященных разнообразным формам большевистских репрессий известных писателей, см. в сопроводительном научном аппарате к изд.: *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / вступ. статья, сост., коммент. В.Г. Белоуса. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 437–439. См. также тексты первых печатных публикаций, не избежавших редакционного вмешательства в газете «Новое Слово» (Берлин): Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов. С. 307–369. Очевидно, в феврале — марте 1944 г. копия машинописи «Писательских судеб» была переслана из Конница в Прагу. Уже 12 апреля 1944 г. Иванов-Разумник отвечает на впечатления Бема, прочитавшего подготовленную к печати книгу: «...отнюдь не удивился Вашему к ней отношению, то есть тому, что Вы, читая, сердитесь. Конечно, как Вы и пишете, мы с Вами люди разных мироощущений <...> но все же я полагаю, что сердиться Вы могли, читая только последний раздел — «Красные помыслы», где есть место для столкновения мнений» [31, с. 152].

¹¹ Борис Генрихович Унбегаун (нем. Boris Ottokar Unbegaun; 1898–1973), москвич по рождению, немец по крови, получил филологическое образование в Сорбонне; в 1935 г. защитил докторскую диссертацию на французском языке «La langue russe au XVI siècle (1500–1550)» («Русский язык XVI века (1500–1550)»);

славист, ономаст, лингвист; в 1925–1936 гг. служил библиотекарем в парижском институте «Школа восточных языков» (École des langues orientales). Обеспокоенность Бема получением адреса Унбегауна в марте 1944 г. была связана с известием об отправке ученого в нацистский концентрационный лагерь «Бухенвальд». Подробнее см.: *Thomas G. Introduction: Boris Unbegaun — Live and work // Kalkierungs- und Entlehnungssprachen in der Slavia: Boris Unbegaun zum 120. Geburtstag / Kai Witzlack-Makarevich (Hg). Berlin: Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2018. S. 7.* См. также нашу статью «Алексей Ремизов и Борис Унбегаун: эпизоды из истории отношений» (Emigrantica. 2026. Вып. 6 (в печати)).

Литература

1. А.Л. Бем в письмах и документах / публ. Л. Ливака // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2008. С. 341–399.
2. Белоус В.Г. Изгнание Скифа // Вестник РХД. 1997. № 175. С. 151–172.
3. Бем А.Л. Письма о литературе. = *Bém A.L. Dopisy o literatuře* / сост. и предисл. М. Бубениковой, Л. Вахаловской. Praha: Slovanský ústav, 1996. 357 s.
4. Бобрик М.А. Загадочный псалом Макса Фасмера и его биографический контекст // Slověne / Словѣне. 2012. № 1. С. 100–144.
5. Волошина В.Ю. Историк Борис Алексеевич Евреиннов и его семья в эмиграции // Мир историка. Историографический сборник. 2007. Вып. 3. С. 244–258
6. Грачева А.М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова: (1910–1950-е годы). СПб.: Пушкинский Дом, 2010. 535 с.]
7. Доценко С. «Библией мух бьетел»: Автобиографический миф А. Ремизова // Блоковский сборник. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Вып. XVII. С. 102–138.
8. Доценко С.Н. Демифологизация образа Ф. Достоевского в книге А. Ремизова «Учитель музыки» // Rivista quadrimestrale di culture dei paesi slavi. eSamizdat. 2014–2015 (X). P. 95–101.
9. Копришова А. Пушкинский юбилей 1937 года в Чехословакии на фоне политической обстановки // Записки Русской академической группы в США. 1999/2000. Т. 30. С. 251–259.
10. Магидова М. Альфред — Алексей Бем (к вопросу о самоидентификации) // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2008. С. 9–28.
11. Магидова М. Под знаком каталогов и материалов к... : В. Н. Тукалевский и русская книга за рубежом, 1918–1936 гг. СПб. : Symposium, 2016. 798 с.
12. Материалы к биографическому словарю «Русская эмиграция в Чехословакии» / под ред. М.Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. М.: Русский путь, 2016. С. 665–712.
13. Нечаев В.П. К вопросу о гибели А.Л. Бема // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2008. С. 333–338.
14. Обатнина Е.Р. А.М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // Русская литература. 2021. № 1. С. 161–169.

15. *Обатнина Е.* Алексей Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 295 с.
16. *Обатнина Е.* «Крылатый» или «земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А.М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 484–495.
17. *Обатнина Е.Р.* Материалы А.М. Ремизова в архиве Р.В. Иванова-Разумника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дм. Буланин, 2002. С. 3–23.
18. *Обатнина Е.Р.* Новый взгляд на старые мистификации: немец, турок и медведь в автобиографических рассказах А.М. Ремизова // Русская литература. 2025. № 4. С. 48–76. DOI: 10.31860/0131-6095-2025-4-48-76
19. *Обатнина Е.Р.* О целях творчества: Полемический диалог А. Ремизова и И. Ильина // Алексей Ремизов: Исследования и материалы (Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti): Сб. науч. ст. / отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно: Europa Orientalis; Puskinskij Dom, 2003. С. 181–202. (Collana di Europa Orientalis. Вып. 4).
20. *Обатнина Е. Р.* Опыт прочтения артефакта: «пушкинская» тетрадь Алексея Ремизова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21 (1). С. 61–78.
21. *Обатнина Е.Р.* Писатель и критика русского зарубежья: Георгий Адамович в истории романа Алексея Ремизова «Учитель музыки» // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 333–377.
22. *Обатнина Е.Р.* Учитель музыки и «Парижская нота» (к истории сотрудничества А.М. Ремизова с журналом «Числа») // Русская литература. 2024. № 1. С. 228–245. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-228-245
23. *Обатнина Е.Р.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
24. *Поляков Ф.* Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge. 2018. Bd. 6, S. 236–265.
25. *Поляков Ф.* Заметки Федора Степуна о русском эллинизме (из переписки с Альфредом Бемом) // A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes. Stanford, 2006. С. 452–463.
26. *Поляков Ф.Б.* Историко-литературные исследования Альфреда Бема в переписке с Артуром Лютером // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2008. С. 160–173
27. *Раевская-Хьюз О.* Иванов-Разумник а 1942 г. // Блоковский сборник. Тарту, 1996. Вып. XIII. С. 214–232.
28. *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 1–19. М.: Русская книга; СПб.: Росток, 2000–2025.
29. *Сеславинский М.В.* Детский взрослый художник Федор Рожанковский // Наше наследие. 2018. № 125. С. 120–128.
30. *Финкельштейн К.И.* О Сергее Горном // Powrót do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji (Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература

русского зарубежья) / под ред Г. Нефагиной. Slupsk: Akademia Pomorska w Slupsku, 2012. С. 170–185.

31. Шерон Ж. Из военной переписки Иванова-Разумника с А.Л. Бемом: суждения о литературе русской эмиграции // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глагол, 1998. Вып. 2. С. 148–153.

32. Шруба М. А.Л. Бем и «Современные записки» (по материалам пражского архива) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 194–202.

33. Янгиров Р.М. «Новая газета»: к истории печатного диалога молодой эмигрантской литературы с художественной культурой Франции // Русские писатели в Париже: взгляд на французскую литературу, 1920–1940. М.: Русский путь, 2007. С. 431–481.

34. Bubeníková M., Vachlivská L. Alfréd Ljudvigovič Bém: Bibliographie. Praha, 1995. 110 s.

35. Poljakov F.B. “Der steinerne Boden des Exils”: Materialien zu Leben und Werk des Dichterpaares Michail Gorlin und Raisa Bloch // Slavistische Forschungen. In memoriam Reinhold Olesch / Angelika Lauhus, Bodo Zelinski (Hrsg.). Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2005. S. 219–234.

Research Article and Publication of Archival Documents

A Writer and Criticism of Russian Abroad: A.M. Remizov and A.L. Bem in the circle of “scribes” and “pharisees” (according to correspondence)

© 2026. Elena R. Obatnina
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is a part of a study devoted to the professional reception of A.M. Remizov’s work and persona within the émigré literary scene. Among the writer’s critics, A.L. Bem played a special role as a representative of the school of critical thought closely linked to the study of literary history that had developed in Russia in the 1910s. The paper examines the views of the two correspondents on the tasks of criticism, drawing in particular on the projection (present in Remizov’s intertextual reflections) of the biblical scribes and Pharisees onto contemporary guardians of literary “norm.” The article traces Remizov’s direct addresses to Bem in his short stories of the 1931–1933. It is noteworthy that the dialogue between the two correspondents, which began within the context of the relationship between writer and critic, eventually shifted to an examination of the works of F. Dostoevsky. The appendix to this article contains four newly discovered letters

from Bem to Remizov. Their acquaints, the “book people,” guardians of culture and science, in 1931–1933 served as the shared topic for the correspondents — the scholar from Prague and the Russian writer, who never met in person.

Keywords: literary history, emigration, the tasks of criticism, creative method, A.M. Remizov, A.L. Bem, Ivanov-Razumnik, B.G. Unbegaun, V.N. Tukalevsky, A.F. Luther.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

E-mail: lana.co@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. “A Writer and Criticism of Russian Abroad: A.M. Remizov and A.L. Bem in the circle of “scribes” and “pharisees” (according to correspondence).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 59–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-59-99>.

References

1. “A.L. Bem v pis'mah i dokumentah” [“A.L. Bem in Letters and Documents”]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh'ja: Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija*, [A.L. Bem and Humanitarian Projects of the Russian Diaspora: International Academic Conference], ed. by L. Livak. Moscow, Russky Put' Publ., 2008, pp. 341–399. (In Russ.)
2. Belous, V.G. “Izgnanie Skifa” [“The Exile of the Scythian”]. *Vestnik RHD*, 1997, no. 175, pp. 151–172. (In Russ.)
3. Bém, A.L. *Pis'ma o literature* [Letters on Literature] = Bém, A.L. *Dopisy o literatuře*, comp. and with a foreword by M. Bubenikova and L. Vakhalskaya. Prague, Slovanský ústav, 1996. 357 p. (In Russ.)
4. Bobrik, M.A. “Zagadochnyj psalom Maksa Fasmera i ego biograficheskij kontekst” [“The Mysterious Psalm of Max Fasmer and Its Biographical Context”]. *Slověne / Slovně*, 2012, no 1, pp. 100–144. (In Russ.)
5. Voloshina, V.Yu. “Istorik Boris Alekseevich Evreinov i ego sem'ja v jemi-gracii” [“Historian Boris Alekseevich Evreinov and His Family in Exile”]. *Mir istorika. Istoriograficheskij sbornik* [The Historian's World. A Historiographical Collection], 2007, issue 3, pp. 244–258. (In Russ.)
6. Gracheva, A.M. *Zhanr romana i tvorchestvo Alekseja Remizova: (1910–1950-e gody)* [The Novel Genre and the Works of Alexei Remizov: (1910–1950s)]. St. Petersburg, Pushkin House, 2010. 535 p. (In Russ.)
7. Docenko, S. “‘Biblij muh b'ete!': Avtobiograficheskij mif A. Remizova” [“You're Swatting Flies with the Bible!': The Autobiographical Myth of A. Remizov”]. *Blokovskij sbornik* [Blok Collection]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006, vol. XVII. pp. 102–138. (In Russ.)
8. Docenko, S.N. “Demifologizacija obraza F. Dostoevskogo v knige A. Remizova ‘Uchitel' muzyki’” [“The Demythologization of the Image of F. Dostoevsky in A. Remizov's ‘The Music Teacher’”]. *Rivista quadrimestrale di culture dei paesi slavi*, eSamizdat. 2014–2015 (X), pp. 95–101. (In Russ.)

9. Koprshivova, A.V. “Pushkinskii iubilei 1937 goda v Czechoslovakii na fone politicheskoi obstanovki” [“Pushkin’s anniversary of 1937 in Czechoslovakia against the backdrop of the political situation”]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [Notes of the Russian Academic Group in the USA], 1999–2000, vol. 30, pp. 251–259. (In Russ.)

10. Magidova, M. Al’fred — “Aleksiej Bem (k voprosu o samoidentifikacii)” [“Alfred—Alexei Bem (On the Question of Self-Identification)”]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh’ja: Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija* [A. L. Bem and Humanitarian Projects of the Russian Diaspora: International Academic Conference]. Moscow, Russky Put’ Publ., 2008. pp. 9–28. (In Russ.)

11. Magidova, M. *Pod znakom katalogov i materialov k... : V. N. Tukalevskij i russkaja kniga za rubezhom, 1918–1936 gg.* [Under the Sign of Catalogs and Materials on...: V. N. Tukalevsky and the Russian Book Abroad, 1918–1936]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2016. 798 p. (In Russ.)

12. “Materialy k biograficheskomu slovarju ‘Russkaja jemigracija v Chehoslovakii’” [“Materials for the Biographical Dictionary ‘Russian Emigration in Czechoslovakia’”], ed. by M. Yu. Sorokina. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ja imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2016* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Emigration. 2016]. Moscow, Russky Put’ Publ., 2016, pp. 665–712. (In Russ.)

13. Nechaev, V.P. “K voprosu o gibeli A.L. Bema” [“On the Question of the Death of A.L. Bem”]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh’ja: Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija* [A.L. Bem and Humanitarian Projects of the Russian Diaspora: International Academic Conference]. Moscow, Russky Put’ Publ., 2008, pp. 333–338. (In Russ.)

14. Obatnina, E.R. “A.M. Remizov v bor’be za ‘son’: materialy k tvorcheskoi biografii” [“A.M. Remizov in the Struggle for ‘Sleep’: Materials for a Creative Biography”]. *Russkaja literatura*, 2021, no 1, pp. 161–169. (In Russ.)

15. Obatnina, E. *Aleksej Remizov: Lichnost’ i tvorcheskie praktiki pisatelja* [Alexei Remizov: The Writer’s Personality and Creative Practices]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2008. 295 pp. (In Russ.)

16. Obatnina, E. “‘Krylatyj’ ili ‘zemljanoj’? (K istorii tvorcheskikh vzaimootnoshenij A.M. Remizova i ‘skifov’)” [“‘Winged’ or ‘Earthbound’? (On the History of the Creative Relationship Between A.M. Remizov and the ‘Scythians’)”]. *Na rubezhe dvuh stoletij: Sb. v chest’ 60-letija A.V. Lavrova* [At the Turn of Two Centuries: A Collection in Honor of A.V. Lavrov’s 60th Birthday]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 484–495. (In Russ.)

17. Obatnina, E.R. “Materialy A.M. Remizova v arhive R.V. Ivanova-Razumnika” [“Materials by A.M. Remizov in the Archive of R.V. Ivanov-Razumnik”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1997]. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2002. pp. 3–23. (In Russ.)

18. Obatnina, E.R. “Novyj vzgljad na starye mistifikacii: nemec, turok i medved’ v avtobiograficheskikh rasskazah A.M. Remizova” [“A New Look at Old Hoaxes: The German, the Turk, and the Bear in A.M. Remizov’s Autobiographical Stories”]. *Russkaja literatura*, 2025, no 4, pp. 48–76. (In Russ.)

19. Obatnina, E.R. “O celjah tvorchestva: Polemicheskij dialog A. Remizova i I. Il’ina” [“On the Aims of Creativity: The Polemical Dialogue Between A. Remizov

and I. Ilyin"]. *Aleksej Remizov: Issledovanija i materialy* (*Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti*): *Sb. nauch. st.* [*Aleksej Remizov: Studies and Materials* (*Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti*): *Collection of scholarly articles*], ed. by A.M. Gracheva and A. d'Amelia. St. Petersburg, Pushkin House Publ.; Salerno, Europa Orientalis, 2003, pp. 181–202. (Collana di Europa Orientalis. No. 4). (In Russ.)

20. Obatnina, E. R. “Opyt prochtenija artefakta: ‘pushkinskaja’ tetrad’ Alekseja Remizova”] [“An Attempt to Interpret an Artifact: Alexei Remizov’s ‘Pushkin Notebook’”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura*, 2024, vol. 21 (1), pp. 61–78. (In Russ.)

21. Obatnina, E.R. “Pisatel’ i kritika russkogo zarubezh’ja: Georgij Adamovich v istorii romana Alekseja Remizova ‘Uchitel’ muzyki’” [“A Writer and Criticism of Russian Abroad: Georgii Adamovich in the History of Alexey Remizov’s Novel ‘Music Teacher’”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (33), 2024, pp. 333–377. (In Russ.)

22. Obatnina, E.R. “‘Uchitel’ muzyki’ i ‘Parizhszkaja nota’ (k istorii sotrudnichestva A.M. Remizova s zhurnalom ‘Chisla’)” [“‘The Music Teacher’ and ‘The Paris Note’ (On the History of A.M. Remizov’s Collaboration with the Journal ‘Chisla’)”]. *Russkaja literatura*, 2024, no 1, pp. 228–245. (In Russ.)

23. Obatnina E. *Tsar’ Asyka i ego poddannye: Obez’ian’ia Velikaia i Vol’naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov’s Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

24. Polyakov, F. “Avtobiograficheskie pis’ma Nikolaja Zareckogo” [“Autobiographical Letters of Nikolai Zaretsky”]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge*, 2018, vol. 6, pp. 236–265.

25. Polyakov, F. “Zametki Fedora Stepuna o russkom jellinizme (iz perepiski s Al’fredom Bemom)” [“Fyodor Stepun’s Notes on Russian Hellenism (from Correspondence with Alfred Bem)”]. *A Century’s Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes*. Stanford, 2006, pp. 452–463. (In Russ.)

26. Polyakov, F. B. “Istoriko-literaturnye issledovanija Al’freda Bema v perepiske s Arturom Ljuterom” [“Alfred Bem’s Historical and Literary Studies in His Correspondence with Arthur Luther”]. *A.L. Bem i gumanitarnye proekty russkogo zarubezh’ja: Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija* [A. L. Bem and Humanities Projects of the Russian Diaspora: International Academic Conference]. Moscow, Russky Put’ Publ., 2008, pp. 160–173. (In Russ.)

27. Raevskaya-Hughes, O. “Ivanov-Razumnik v 1942 g.” [“Ivanov-Razumnik in 1942”]. *Blokovskij sbornik* [The Blok Collection]. Tartu, 1996, issue XIII. pp. 214–232. (In Russ.)

28. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 1–19. Moscow, Russkaya Kniga Publ.; St. Petersburg, Rostok Publ., 2000–2025. (In Russ.)

29. Seslavinsky, M.V. “Detskij vzroslyj hudozhnik Fedor Rozhankovskij” [“Fedor Rozhankovsky: A Childlike Adult Artist”]. *Nashe nasledie* [Our Heritage], 2018, no 125, pp. 120–128. (In Russ.)

30. Finkelstein, K.I. “O Sergee Gornom” [“On Sergei Gornoy”]. *Powrócić do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji = Vernet’ija v Rossiju stihami i prozoi. Literatura russkogo zarubezh’ja* [Returning to Russia Through Poetry and Prose:

Literature of the Russian Diaspora], ed. by G. Nefagina. Słupsk, Pomeranian Academy in Słupsk Publ., 2012, pp. 170–185. (In Russ.)

31. Sheron, J. “Iz voennoj perepiski Ivanova-Razumnika s A.L. Bemom: suzhdenija o literature russkoj jemigracii” [“Ivanov-Razumnik’s Wartime Correspondence with A.L. Bem: Reflections on the Literature of Russian Emigration”]. *Ivanov-Razumnik: Lichnost’. Tvorchestvo* [Ivanov-Razumnik: Personality. Creativity. Role in Culture]. St. Petersburg, Glagol Publ., 1998, issue 2, pp. 148–153. (In Russ.)

32. Shruba, M. “A.L. Bem i ‘Sovremennye zapiski’ (po materialam prazhskogo arhiva)” [“A. L. Bem and ‘Sovremennye Zapiski’ (Based on Materials from the Prague Archive)”]. *Vokrug redakcionnogo arhiva “Sovremennyh zapisok” (Parizh, 1920–1940): Sb. statej i materialov* [Around the Editorial Archive of “Sovremennye Zapiski” (Paris, 1920–1940): A Collection of Articles and Materials]. Moscow, Novoe Literaturnoye Obozreniye Publ., 2010, pp. 194–202. (In Russ.)

33. Yangirov, R. M. “‘Novaja gazeta’: k istorii pechatnogo dialoga molodogo jemigrantskoj literatury s hudozhestvennoj kul’turoj Francii” [“‘Novaya Gazeta’: On the History of the Printed Dialogue Between Young Emigrant Literature and French Literary Culture”]. *Russkie pisateli v Parizhe: vzgljad na francuzskuju literaturu* [Russian Writers in Paris: A View of French Literature], 1920–1940. Moscow, Russky Put’ Publ., 2007, pp. 431–481. (In Russ.)

34. Bubeníková, M., Vachlivská, L. *Alfréd Ljudvigovič Bém: Bibliographie*. Praha, Národní knihovna České republiky Publ., 1995. 110 s. (In Czech)

35. Poljakov, F.B. “‘Der steinerne Boden des Exils’: Materialien zu Leben und Werk des Dichterpaars Michail Gorlin und Raisa Bloch”. *Slavistische Forschungen. In memoriam Reinhold Olesch*, Hrsg. Angelika Lauhus, Bodo Zelinski. Köln; Weimar; Wien, Böhlau Publ., 2005. S. 219–234. (In Deutsch)

Статья поступила в редакцию: 14.01.2026

Одобрена после рецензирования: 10.03.2026

Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 14.01.2026

Approved after reviewing: 10.03.2026

Date of publication: 25.06.2026